II 204/761

ИЗЪ КНИГЪ
К. М. СОЛОВЬЕВА
№ 5582

А. Бакунинъ стар.

1867.
май.

И 204/761

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ЗНАЧЕНІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НОВѢЙШЕМУ ВРЕМЕНИ,

ПИСАННОЕ

Алексѣемъ Ставровскимъ

для полученія степени

МАГИСТРА ИСТОРИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

По опредѣленію 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета.
Кіевъ. Октября 4 дня 1841 года.

Деканъ *Орестъ Новицкій.*

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

67992-44

2007096307

Къ выбору означеннаго въ заглавіи предмета для моего разсужденія побудило меня общее въ публикѣ, не имѣющей ни времени, ни случая, ни нужды, ни охоты изучать Исторію ученымъ образомъ, неправильное и невыгодное мнѣніе о Среднихъ вѣкахъ. Оно образовалось и разпространилось отъ ошибочнаго и поверхностнаго взгляда прежнихъ Историковъ на сіи вѣка, а утвердилось отъ недостатка сочиненій, изъ которыхъ бы можно было безъ большой потери трудовъ и времени почерпнуть другое, вѣрное, понятіе о средневѣковомъ времени. Многотомныя сочиненія о семъ періодѣ, составленныя въ ученомъ духѣ, по разнымъ причинамъ для многихъ недоступны; изъ людей же, которымъ они доступны, не всякій читаетъ ихъ и притомъ почти никто не читаетъ ихъ безъ особенной нужды. Посему небольшое сочиненіе, въ родѣ моего, написанное съ отчетливостію и знаніемъ дѣла и требованій читающей публики, можетъ быть иногда гораздо полезнѣе огромныхъ волюмовъ и лучше послѣднихъ можетъ содѣйствовать къ измѣненію утвердившихся въ обществѣ мнѣній. Руководимый сею мыслію, я старался съ нею сообразовать отча-

сти и содержаніе *и* форму *моего разсужденія. Такимъ образомъ* по содержанію *оно составляетъ почти полную, хотя въ общихъ, но главныхъ и существенныхъ чертахъ, Исторію цѣлаго Средняго періода времени;* по формѣ, *кромѣ вступленія, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, отдѣлы подраздѣляются на нѣсколько особенныхъ статей, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе полную Исторію какого нибудь элемента государственнаго или народнаго въ среднихъ вѣкахъ.*

Алексѣй Ставровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ВСТУПЛЕНІЕ.

О господствовавшихъ до нашего времени взглядахъ на среднюю исторію. 1.

О современномъ на нее взглядѣ . . 7.

Мнѣніе о сочиненіяхъ:

Галлама . . . . . 8.

Людена . . . . . 9.

Тьерри, Баранта и Гизо . . 11.

ОТДѢЛЪ I.

Понятіе о среднихъ вѣкахъ вообще . 16.

Значеніе среднихъ вѣковъ для новѣйшихъ временъ въ отношеніи *произхожденія:* . . . . . .

I. Новѣйшихъ народовъ . . 21.

II. Гражданскаго ихъ состоянія 32.

III. Нравственно-религіознаго состоянія. . . . . 54.

IV. Церковнаго состоянія . . 38.

V. Состоянія просвѣщенія . 39.

ОТДѢЛЪ II.

Значеніе среднихъ вѣковъ для новѣйшихъ въ отношеніи *развитія:*

I. Внѣшняго или политическаго состоянія новѣйшихъ народовъ . . . . . 52.

II. Гражданскаго состоянія въ формахъ: 78.
1.) Феодальной . . . . . 82.
2.) Θеократической . . . . 86.
3.) Демократической. . . . 95.
4.) Монархической. . . . . 108.
О вліяніи каждой изъ симъ формъ на современное состояніе:
1.) Дворянства . . . . . 110.
2.) Воинскаго быта . . . . 111.
3.) Отношеній женскаго пола къ гражданскому общеспву и семейству. . . . . 112.
4.) Судопроизводства и законовъ 114.
III. Церковнаго состоянія . . . . 120.
1.) Раціонализмъ и Мистицизмъ 121.
2.) Арнольдъ Брещіо . . . 122.
3.) Катарисипы . . . . . 123.
4.) Петръ Вальдъ . . . . 124.
5.) Монашескіе Ордены . . 125.
6.) Гуссъ . . . . . 128.
7.) Лютеръ . . . . . 130.
IV. Состояніе просвѣщенія . . . 131.
I. Науки . . . . . 135.
Университеты . . . . . 140.
Академіи . . . . . 145.
II. Изящныя искусства . . . 146.
III. Промышленность . . . 149.
ЗАКЛЮЧЕНІЕ. . . . . 151.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ЗНАЧЕНІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НОВѢЙШЕМУ ВРЕМЕНИ.

Во всеобщей Исторіи нѣтъ ни одного вѣка ни столь грубаго и развращеннаго, который бы не имѣлъ защитниковъ, ни столь просвѣщеннаго и добродѣтельнаго, который бы не имѣлъ порицателей. Такая противоположность въ сужденіяхъ историковъ объ одномъ и томъ же времени, объ одномъ и томъ же вѣкѣ, столь же естественна, какъ разногласіе физіогномистовъ въ изображеніи свойствъ одного и того же лица. Каждый вѣкъ и каждый періодъ есть нѣкоторымъ образомъ отдѣльное цѣлое, состоящее изъ столь разнообразныхъ политическихъ обществъ, устройствъ, законовъ и учрежденій, — изъ столь разносторонних истинъ и погрѣшностей, изъ столь многихъ доб-

рыхъ и злыхъ дѣяній, нравовъ и обычаевъ, что всякой, особенно кто во всемъ хочетъ видѣть одно добро или одно зло, можетъ весьма легко найти поводъ къ односторонним похваламъ, или къ безотчетному порицанію. Но нигдѣ въ цѣлой Исторіи политической не встрѣчаемъ столько разногласія у историковъ въ ихъ взглядахъ, сужденіяхъ и выводахъ, какъ при изображеніи ими среднихъ вѣковъ. Обративъ вниманіе на изученіе и оцѣнку оныхъ, когда не осталось почти никакихъ памятниковъ, которые бы могли пролить яркій свѣтъ на средневѣковой бытъ, покрытый сумракомъ, кромѣ тощихъ, иносказательныхъ и безсвязныхъ монастырскихъ разсказовъ,—когда все или поглощено было временемъ или разрушено силою оружія, каждый изъ исторіографовъ долженъ былъ основывать сужденія свои о явленіяхъ и событіяхъ того времени, на извѣстіяхъ неполныхъ и темныхъ и позволялъ себѣ толковать оныя по своему образу мыслей, согласно съ своими наклонностями, требованіями и фантазіею. Отсюда произошло, что довольный настоящимъ, выказывалъ себя врагомъ прошедшаго, искалъ здѣсь однихъ недостатковъ и пороковъ; другой, которому настоящее представляло одни лишенія и горести, который обманулся въ своихъ надеждахъ, чьи

заслуги и слава потемнены младшими и счастливѣйшими соперниками, искалъ себѣ утѣшенія въ прошедшемъ, а потому изображалъ только одну хорошую его сторону и старался возвысить былое въ такой же степени, въ какой настоящее казалось ему маловажнымъ, ненавистнымъ и несноснымъ. Такимъ образомъ одни видѣли въ среднихъ вѣкахъ ужасы деспотизма и происходившаго оттуда народнаго рабства, эгоизмъ и холодность ко благу и бѣдствіямъ ближнихъ, страсть къ пышности и моповству, соединенную съ безвкусіемъ, безнравственность, суевѣріе и варварство, возбуждающія одно отвращеніе (1). Другіе, напротивъ, находили все въ лучшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ, нежели прежде и послѣ сихъ вѣковъ: устройство, общественную жизнь, нравы и обычаи, такъ что средніе вѣка представлялись имъ временемъ юности, цвѣта и доброй жизни, временемъ поэтическимъ, въ которое духъ и фантазія принесли величественные плоды, въ которое люди были крѣпче силами, храбрѣе духомъ и невиннѣе сердцемъ, князья попечительнѣе и правдивѣе, слуги ихъ вѣрнѣе и прямодушнѣе, подданные свободнѣе и счастливѣе, отцы семействъ заботливѣе въ своемъ званіи, жены бережливѣе и невиннѣе, дѣти послушнѣе (2).

Итакъ съ одной стороны угрожало пренебреженіе, а съ другой излишнее пристрастіе къ среднимъ вѣкамъ. То и другое, смотря потому какъ произошло, не могло бы имѣть большаго значенія и вліянія на Исторію Европы, какъ науку, если бы только по случайному стеченію обстоятельствъ не нашло себѣ защиты и сочувствія въ политическомъ направленіи умовъ Европейскихъ націй въ концѣ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Революціонный духъ Французовъ и другихъ народовъ Западной Европы объявилъ себя врагомъ всего современнаго и прошедшаго: потому что изъ послѣдняго вытекало первое. Такимъ образомъ пренебреженіе къ средневѣковому міру сдѣлалось любимымъ и господствующимъ направленіемъ въ этотъ періодъ времени, „Разкройте, говоритъ Гизо (5), любое сочиненіе XVIII вѣка и вы увидите всю антипатію человѣческаго духа къ колыбели Европейскихъ націй..... прочитайте l'essai sur les moeurs et l'esprit des nations Вольтера, вѣрнѣйшій образецъ общаго мнѣнія о среднихъ вѣкахъ въ XVIII вѣкѣ, и тамъ увидите, что все грубое, позорное, ненавистное и бѣдственное для современниковъ выводимо было изъ среднихъ вѣковъ“. Но этотъ революціонный духъ встрѣтилъ въ свое время сильное себѣ противо-

дѣйствіе со стороны приверженцевъ стараго быта и порядка вещей. Первымъ результатомъ сего было то, что пренебреженіе къ среднимъ вѣкамъ стало ослабѣвать въ такой же степени, въ какой пристрастіе начало увеличиваться и послѣднее скоро въ свою очередь сдѣлалось господствующимъ. Впрочемъ ни то, ни другое не принесло существенной пользы въ развитіи средневѣковой Исторіи: потому что во 1) какъ первое, такъ и послѣднее не имѣли основаній прочныхъ, выражаемы были языкомъ страстей и въ формѣ, которая не соотвѣтствовала ни строгой истинѣ, ни наукѣ; во 2) въ апологистахъ всегда отражалась робость по причинѣ недостатка свѣдѣній и оттого при всей энергіи, при всемъ энтузіазмѣ, съ которымъ писатели сего рода старались дать значеніе своимъ мнѣніямъ и показать намъ настоящій путь къ развитію средневѣковаго періода, сами часто сбивались и другихъ вовлекли въ свою ошибку, и въ 3) порицанія и похвалы ограничивались одними частностями, явленіями и событіями отдѣльными, а между тѣмъ цѣлые вѣка, вмѣстѣ взятые, сущность и организмъ ихъ представлялись каждому изъ послѣдователей сихъ двухъ школъ какъ бы въ густомъ туманѣ среди мрачной ночи. Они не понимали этого организма и не хо-

тѣли понимать. Такое познаніе казалось для нихъ излишнимъ, ненужнымъ для ихъ видовъ и оттого ни одна школа не можетъ служить намъ не только руководствомъ, но даже и пособіемъ въ познаніи и оцѣнкѣ среднихъ вѣковъ.

Въ настоящее время, по возстановленіи законной власти и мирнаго порядка въ Европѣ, послѣ революціонныхъ бурь, при господствѣ критическаго духа, при пособіяхъ всесторонняго образованія, при наклонности писателей къ прояснеміямъ и изслѣдованіямъ, въ сужденіяхъ о среднихъ вѣкахъ явилось третіе направленіе, которое составляетъ средину между двумя первыми: здѣсь не видимъ ни пристрастія, ни ненависти въ писателяхъ къ средневѣковому періоду; но замѣчаемъ намеки и усилія изобразить темный періодъ быта Европейскихъ народовъ отъ V до XVI вѣка, въ настоящемъ его видѣ, со всѣми недостатками и совершенствами, въ цѣломъ и въ частяхъ, и вывести изъ онаго бытъ міра современнаго. Кто не согласится, что такой способъ есть одинъ изъ лучшихъ для изученія Исторіи того времени? Но чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ меньше имѣетъ послѣдователей, потому ли, что его требованія трудны и велики; или потому что мракъ,

покрывающій все средневѣковое время, у однихъ совсѣмъ отнималъ охоту изучать оное такимъ образомъ, а другихъ останавливалъ при началѣ труда; или наконецъ потому, что средневѣковая Исторія представляется большей части ученыхъ, по маловажности своей, нестоющею особеннаго вниманія, ни изысканій; одно знаемъ, что многіе даже изъ тѣхъ людей, для которыхъ изученіе Исторіи необходимо, важно и священно, или совсѣмъ не обращаютъ вниманія на обдѣлку и изысканія по части средней Исторіи, или по крайней мѣрѣ гораздо менѣе, нежели на развитіе древней и новой, такъ что до настоящаго времени не болѣе можемъ насчитать пяти писателей, слѣдовавшихъ третьему направленію и заслуживающихъ наше вниманіе. Они суть: *Галламъ, Люденъ, Тьери, Баранть* и *Гизо*.

Галламъ былъ юристъ и потому во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже послѣднихъ. Его сочиненіе (4) есть одно изъ тѣхъ, въ которыхъ стараются изобразить перемѣны правительства и законодательство какой либо страны въ отвлеченной формѣ, не касаясь событій, отъ которыхъ оныя произошли. Такого рода сочиненія обманчивы. Они обѣщаютъ много, но на дѣлѣ выходитъ мало. Существенный ихъ недостатокъ тотъ,

что въ нихъ гражданская и политическая Исторія страны ими разсматриваемой предполагается извѣстною и такимъ образомъ представляются читателю одни законодательные акты безъ всякихъ обстоятельствъ, которыя были причиною ихъ изданія и которыхъ одно только вѣрное изображеніе можетъ утвердить истинный ихъ смыслъ(5). Что касается до понятій Галлама о среднихъ вѣкахъ, то онъ выразилъ оные въ слѣдующихъ словахъ: „средніе вѣка, по приня„тому мною дѣленію, говоритъ Авторъ, „обнимаютъ почти тысячу лѣтъ (485 по „1494). Въ отношеніи общественнаго со„стоянія первымъ 7 вѣкамъ этого періода „свойственны всеобщее затмѣніе отъ не„вѣжества и грубость отъ недостатка „утонченности. И дѣйствительно первая „половина десяти вѣковъ почти совершен„но безплодна и представляетъ только „рядъ золъ (6).“ Такой взглядъ ясно одностороненъ и мало обѣщаетъ пользы для Исторіи, какъ науки. Вся польза Галламова творенія состоитъ въ томъ, что оно можетъ по матеріаламъ служить источникомъ для изучающаго внутреннее устройство и состояніе народовъ средневѣковыхъ: въ немъ много заключается изслѣдованій; касательно перваго, помѣщено нѣсколько замѣчаній о послѣднемъ изъ такихъ источ-

никовъ, которые другимъ или были неизвѣстны или недоступны и наконецъ иногда находимъ любопытныя подробности о нѣкоторыхъ другихъ, темныхъ для насъ предметахъ (7).

Людена, который вмѣстѣ съ Гизо слываетъ въ Россіи подъ именемъ „надежнаго руководителя въ раскрытіи образованія нынѣшняго историческаго міра изъ міра среднихъ вѣковъ, (8)“ сдѣлалъ для Исторіи среднихъ вѣковъ также гораздо менѣе, нежели ему приписываютъ. Достоинства его творенія болѣе матеріальныя. По обилію матеріаловъ и по подробностямъ сочиненіе Людена драгоцѣнно; но его подробности не имѣютъ логической послѣдовательности, не управляются одною идеею, не вытекаютъ изъ одного начала и часто не имѣютъ ни цѣли, ни значенія. Онъ фактически показываетъ то, или другое состояніе Германскаго народа; но откуда оно произошло, на чемъ основывается его существованіе и почему народъ коснѣлъ въ ономъ? потому ли, что не могъ, или потому, что не хотѣлъ, прекративъ безпорядки, ввести въ своей землѣ законность власти и спокойствіе? Далѣе Людень изобразилъ семейную, гражданскую и политическую жизнь одного Германскаго

народа, а не цѣлой Европы средневѣкокой. Онъ оказалъ услугу одной Германской Исторіи и великъ только для Германіи, точно также, какъ Карамзинъ великъ только въ Исторіи Россійскаго Государства. Что мы Русскіе знаемъ и говоримъ объ Исторіи Карамзина, то же все можно примѣнить къ Исторіи Лудена. Въ твореніяхъ того и другаго одни и тѣ же главныя достоинства, одни и тѣ же главные недостатки. Оба помѣстили въ своихъ твореніяхъ все, что знали и могли знать, оба смотрѣли на давнюю родную старину тѣмъ же взоромъ, какой имѣли на жизнь современныхъ имъ народовъ, а потому оба избрали маштабомъ для оцѣнки состоянія общественной жизни своихъ предковъ въ средніе вѣка современный бытъ народовъ. Я уже не упоминаю о томъ, что Исторія Людена еще далеко не доведена до своего конца: онъ остановился на междуцарствіи; не говорю также и о недостаткѣ образованнаго вкуса въ немъ касательно выбора и изложенія извѣстнаго рода предметовъ. Читатель можетъ узнать изъ него, со всѣми мѣлочными подробностями, бытъ Германцевъ отъ начала паденія Западной Римской Имперіи до паденія Гогенштауфеновъ, но не узнаетъ общихъ и основныхъ началъ этого быта и причинъ частыхъ перемѣнъ онаго.

Главная ошибка Галлама и Людена въ изображеніи среднихъ вѣковъ состоитъ въ односторонности ихъ взгляда. Они смотрѣли на эти времена, какъ на самостоятельное цѣлое, имѣющее свое начало и свой конецъ, какъ на эпоху, чуждую во всѣхъ отношеніяхъ временамъ новѣйшимъ, какъ на явленіе, составляющее контрастъ не только между давно утратившимся духомъ древняго міра, но и недавно проявившимся духомъ новыхъ временъ. При такомъ взглядѣ естественно средніе вѣка представляютъ большую безхарактерность, скучное однообразіе, ничѣмъ необъяснимое разъединеніе событій, время дѣятельности безъ цѣли и направленія, волненіе безъ результата.

Чѣмъ недостаточнѣе Исторія Галлама и Людена, тѣмъ важнѣе для насъ сочиненія *Тьери, Баранта* и *Гизо*. Они составляютъ такой тріумвиратъ, который вполнѣ заслуживаетъ вниманіе современныхъ историковъ. Сіи три историка своими трудами и талантами проложили новый надежный путь къ развитію Исторіи среднихъ вѣковъ, многое объяснили и многое открыли вновь, чего прежде или вовсе не знали, или знали превратно (9)? Жаль только, что Тьери (10) и Барантъ (11) ограничили свои изысканія небольшимъ кругомъ дѣя-

тельности среднихъ вѣковъ, явленіями, имѣвшими вліяніе хотя продолжительное, но тѣсное, простиравшееся на самое малое пространство Европы. Гизо, сознавая общую потребность имѣть изображеніе цѣлыхъ среднихъ вѣковъ, а не какой либо одной части оныхъ, принялъ на себя трудъ представить свѣту эту картину въ яркихъ краскахъ, по собственной идеѣ и въ размѣрѣ, нужномъ для полнаго очерка, входившихъ туда предметовъ. Оба его творенія „Всеобщая Исторія гражданственности въ Европѣ отъ паденія Западной Римской Имперіи до Французской революціи“ и „Исторія гражданственности во Франціи“ въ томъ же періодѣ времени, какъ приложеніе идей, развитыхъ авторомъ въ первомъ служатъ самымъ лучшимъ памятникомъ Исторической Литературы XIX вѣка. Сочинитель въ обоихъ своихъ произведеніяхъ смотрѣлъ на средній міръ, какъ на зародышъ міра современнаго и поставилъ его въ непосредственное отношеніе къ новѣйшему міру. Оттого средніе вѣка, по его идеѣ, представляются намъ въ иномъ видѣ, съ другими недостатками и совершенствами, оттого цѣлое и части оныхъ имѣютъ свой характеръ, а каждое явленіе свою собственную цѣль. Совершеннымъ выполненіемъ геніальной идеи, ясностію и новизною взгляда

на XV вѣковой организмъ и характеръ Европейскихъ Государствъ, послѣдовательнымъ распредѣленіемъ и изображеніемъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ новой Европы, разнообразіемъ и единствомъ результатовъ, Гизо сдѣлался образцемъ подражанія и руководства для современныхъ историковъ. Впрочемъ Гизо положилъ своими трудами только основаніе для зданія, но самаго зданія не сооружилъ ни онъ, ни другіе изъ современниковъ нашихъ. Онъ 1) развилъ только одну половину элементовъ, входящихъ въ составъ Европейской новой Исторіи: элементы общественной жизни Новоевропейскихъ народовъ, взаимныя отношенія послѣднихъ, какъ членовъ общества гражданскаго и политическаго, и 2) развилъ это въ самыхъ общихъ чертахъ и положеніяхъ „de sommité en sommité, au risque de n'être pas toujours bien compris, ni peut être cru (12)“. Между тѣмъ другая половина: развитіе жизни индивидуальной, жизни внутренней человѣка, развитіе его въ самомъ себѣ, его способностей, его чувствованій, его идей остается еще во мракѣ и требуетъ трудовъ. Такимъ образомъ Гизо своимъ геніемъ освѣтилъ только театръ, на которомъ происходило внутреннее усовершенствованіе каждаго недѣлимаго, объяснилъ одни средства, способствовавшія къ

этому развитію, показалъ только, въ какой степени состояніе общественной жизни и самое общество могли содѣйствовать индивидуальному образованію человѣка.

Итакъ мы видимъ только еще одно начало правильнаго и удовлетворительнаго развитія Исторіи среднихъ вѣковъ. Дальнѣйшій успѣхъ такого развитія зависитъ кромѣ условій, необходимыхъ для основательнаго познанія всякой науки, отъ опредѣленія, цѣли, послѣдовательности, характера и результатовъ событій средневѣковыхъ въ связи между собою и каждаго по одиначкѣ, а еще болѣе отъ той точки зрѣнія, съ которой средніе вѣка представляются срединою между древнимъ и новѣйшимъ міромъ, не по одному названію и времени, но по внутреннему содержанію и развитію элементовъ своихъ, посредствомъ которой они вступаютъ въ ближайшія отношенія съ міромъ, намъ современнымъ. Многія изъ этихъ требованій не выполнены писателями и оттого сочиненія ихъ о среднихъ вѣкахъ далеко неполны, часто темны и ошибочны, особенно въ опредѣленіи отношенія средневѣковаго періода къ новѣйшему, такъ, что мы только гадательно изъ нихъ видимъ, какимъ образомъ средніе вѣка постепенно содѣйствовали къ новѣйшему

образованію народовъ и сдѣлали ихъ способными къ усвоенію онаго, какъ развили они современный духъ и въ какой степени имѣли вліяніе на произхожденіе онаго, съ какого времени начали созидаться лучшій міръ, высшій образъ мышленія, болѣе усовершенствованное состояніе. Всѣ согласны, что этотъ міръ не вдругъ созданъ, а медленно, по мѣрѣ развитія самыхъ націй, и никто не отвергаетъ, что онъ былъ предуготовленъ продолжительными, великими и разительными для человѣчества событіями; но какъ все это началось, совершалось, улучшалось, распространялось и наконецъ достигло до нынѣшняго состоянія, остается еще для современниковъ задачею, предметомъ, требующимъ большихъ изысканій, предположеній и выводовъ, трудовъ продолжительныхъ, свѣдѣній обширныхъ и разнообразныхъ и ума свѣтлаго, опытнаго и глубокаго.

Такимъ образомъ, если и мой посильный трудъ *развить отношеніе десятивѣковаго средняго періода къ новѣйшему времени,* или *показать значеніе перваго въ отношеніи къ послѣднему,* не будетъ содержать въ себѣ ничего новаго для Исторіи, то по крайней мѣрѣ надѣюсь не будетъ сочтенъ за безотчетливое повтореніе идей, уже развитыхъ и мнѣній, систематически доказанныхъ.

Взаимное отношеніе предметовъ другъ къ другу и ихъ достоинство тогда только могутъ быть поняты, когда ясно понимаемъ самые предметы, когда знаемъ ихъ свойства и принадлежности. Итакъ прежде всего надобно рѣшить, что разумѣемъ подъ именемъ среднихъ вѣковъ? Предварительное рѣшеніе сего вопроса тѣмъ нужнѣе, чѣмъ разногласнѣе, неопредѣленнѣе и уклончивѣе были на него отвѣты занимавшихся изслѣдованіемъ сихъ вѣковъ. Самые даже тѣ ученые, какъ напр. Робертсонъ, Ансильонъ, Беккъ, Люденъ, Гизо, Галламъ и другіе, отъ которыхъ мы имѣли право ожидать яснаго и прямаго рѣшенія, устранили отъ себя оное и предоставили самому читателю догадываться изъ многотомныхъ своихъ твореній, что такое средніе вѣка. Болѣе вѣрный и легкій способъ имѣть опредѣленное понятіе о семъ періодѣ времени состоитъ въ томъ, если изслѣдуемъ какое различіе находится между древнимъ, среднимъ и новымъ міромъ. Для показанія различія между древнимъ и среднимъ міромъ, нужно взять во вниманіе два направленія, которымъ обыкновенно слѣдуетъ человѣческое образованіе. Первое направленіе естественное, когда мы сообразно природѣ развиваемъ то, что она намъ дала. Второе подражательное, когда беремъ для руководства

въ жизни правила отвлеченныя, составленныя мышленіемъ сообразно съ избраннымъ идеаломъ въ противоположность естественнымъ отношеніямъ жизни. Первому направленію слѣдовала древность, гдѣ каждый народъ пріобрѣталъ народное развитіе. Второе, напротивъ, принадлежало среднимъ вѣкамъ, гдѣ жизнь человѣка стремилась къ чему-то отвлеченному и при этомъ впадала въ такія противоположности, которыя могли уничтожиться продолжительною только взаимною борьбою (13).— Посему задача древняго міра состоитъ въ томъ, чтобы довести народное образованіе до возможнаго совершенства и сдѣлать другіе народы, менѣе образованные, участниками въ ономъ, а задача среднихъ вѣковъ, чтобы существовавшій въ естественныхъ формахъ образъ жизни замѣнить жизнію въ формахъ отвлеченныхъ. Древній міръ рѣшилъ свою задачу посредствомъ взаимной борьбы народныхъ классовъ и системы завоеваній, а средній посредствомъ борьбы отвлеченныхъ противоположностей между собою и съ естественными отношеніями варварской жизни. Наконецъ въ трехвѣковомъ новомъ мірѣ народы въ развитіи жизни и духа слѣдовали болѣе или менѣе вдругъ обоимъ, господствовавшимъ по одиначкѣ въ древнемъ и среднемъ мірѣ, направленіямъ, устраняя

отъ себя крайности того и другаго. Впрочемъ, не смотря на это отличіе, средніе вѣка еще не составляютъ такого отдѣла, который бы совершенно не имѣлъ никакой связи съ предшествовавшимъ ему міромъ и тѣмъ менѣе съ смѣнившимъ его. Первый служилъ имъ первоначально идеаломъ, образцемъ въ составленіи отвлеченныхъ правилъ и формъ жизни, и если отъ этого подражанія не произошло бо́льшихъ послѣдствій, нежели какія видимъ; то причины сего заключались съ одной стороны въ слабомъ, одностороннемъ дѣйствіи древняго міра отъ его упадка на возраждающіеся элементы средняго, а съ другой стороны, въ самоощущеніи собственныхъ жизненныхъ силъ и въ привычкѣ новыхъ народовъ къ роднымъ прежнимъ формамъ быта. Древній міръ, при зачатіи средневѣковаго, похожъ былъ на засыхающее отъ истощенія соковъ дерево, отъ котораго немногіе уцѣлѣвшіе сочные стебли были отрѣзаны и привиты къ дикому сочному корню, произрастившему другое дерево ([14]) — *міръ средневѣковой,* составляющій первый актъ и основу новаго Европеизма. Такимъ образомъ въ среднихъ вѣкахъ сосредоточиваются оба міра: древній своимъ паденіемъ, а новый своимъ началомъ и основнымъ развитіемъ, и при томъ такъ, что когда первый началъ упадать,

второй сталъ зарождаться, и когда тотъ совершенно прекратился, послѣдній уже имѣлъ всѣ элементы къ самобытному существованію (15). Какъ свойства элементовъ были совершенно отличны отъ обрѣтаемыхъ нами въ древнемъ мірѣ, такъ и всѣ отношенія нашего быта, развившіяся изъ нихъ, столько отличны отъ отношеній господствовавшихъ въ древности, что составляютъ почти совершенный контрастъ съ послѣдними. Нѣтъ нужды входить въ подробныя доказательства. Возьмемъ въ примѣръ одно то, что въ настоящее время Европейцы считаютъ себя гражданами цѣлаго міра; теперь политическое, гражданское, нравственное и даже самое религіозное образованіе такъ сблизились между собою, что вездѣ можно найти свое отечество; напротивъ у древнихъ такъ всѣ состоянія были устроены, что у нихъ не было и не могло быть ничего общаго между собою; ихъ все отдѣляло другъ отъ друга: религія, законы, правленіе и обычаи, одежда, занятія и языкъ; а оттого сердце и чувства каждаго нѣсно были соединены съ однимъ роднымъ государствомъ, для котораго онъ воспитывался, жилъ и умиралъ. Правда, большая часть Европейцевъ старались уничтожить этотъ контрастъ между давноупрашившимся духомъ и состояніемъ древняго міра

и утвердившимся духомъ и состояніемъ новѣйшихъ временъ; многіе еще и теперь обнаруживаютъ стремленіе возвратиться къ мысли и духу древняго классическаго міра; но это стремленіе безуспѣшно: контрастъ продолжается и какимъ образомъ мы объяснимъ его безъ посредничества среднихъ вѣковъ? Какъ постигнемъ мысль и духъ древнихъ, будучи отдѣлены отъ нихъ продолжительнымъ періодомъ времени? Откуда можемъ узнать противоположность обоихъ міровъ и чѣмъ объяснимъ оную, не зная ни конца одного, ни начала другаго, которые оба скрываются въ среднихъ вѣкахъ? Какіе вредные пробѣлы произошли бы во всѣхъ нашихъ историческихъ познаніяхъ, еслибы мы или изъ страха, или пренебреженія, или предубѣжденія къ среднимъ вѣкамъ, за ихъ маловажность отъ Исторіи древне-Римскаго Государства и его паденія, прямо перешли бы къ Исторіи XVI вѣка? Не перенесены ли бы мы были въ область чуждую и неизвѣстную, въ которой мы, совершенно непредуготовленные, только блуждали бы въ хаосѣ безсвязныхъ явленій историческихъ ([16])? Итакъ уже отъ этого одного столкновенія двухъ противоположныхъ міровъ въ одномъ средневѣковомъ, сей послѣдній дѣлается въ настоящее время важ-

нымъ, необходимымъ для связи въ изслѣдованіяхъ о постепенномъ развитіи человѣчества въ продолженіи трехъ разнохарактерныхъ періодовъ времени. Онъ есть цѣпь, связующая все историческое время въ одинъ цѣлый, стройный организмъ, есть другаго рода Гордіевъ узелъ. Отъ удачной или неудачной развязки онаго тѣмъ болѣе зависятъ всѣ наши историческія познанія о настоящемъ быту Европы, совершенство и недостатки, ясность и темнота оныхъ, что въ немъ скрывается начало нашихъ предковъ и государствъ, начало государственныхъ новѣйшихъ устройствъ, основаніе организаціи Церкви, какъ пѣла государственнаго, зародышъ искусствъ и наукъ въ духѣ новѣйшихъ временъ, словомъ тамъ не только начало и основаніе всѣхъ состояній нашей общественной жизни: политической, гражданской, церковной, нравственной и ученой, но и основное развитіе оныхъ. Въ каждомъ изъ сихъ отношеній средніе вѣка имѣютъ самое высокое значеніе для нашего времени.

1. *Въ отношеніи происхожденія народовъ.* Древняя генерація народовъ, съ паденіемъ ихъ самостоятельности въ лицѣ Западной Римской Имперіи, изчезла навсегда и мѣсто ея заступила новая генерація родныхъ намъ

народовъ. Правда многіе изъ послѣднихъ уже совершенно изчезли по совершеніи краткой своей роли; но большая часть еще продолжаетъ свое существованіе. Ихъ произхожденіе и ихъ дѣтство для насъ закрыты будутъ, если мы не обратимся къ Исторіи среднихъ вѣковъ. Откуда эти народы произходятъ? Что было первымъ ихъ жилищемъ? Когда и почему оставили оное? Что было первою потребностію ихъ политическаго образованія? Почему одни изъ нихъ не смотря на первоначальную разноплеменность составили въ теченіи времени одно политическое тѣло, а другіе, единоплеменные, являются раздѣленными на множество независимыхъ другъ отъ друга политическихъ обществъ или государствъ? Рѣшенія сихъ вопросовъ надобно искать въ среднихъ вѣкахъ и удовлетворительный отвѣтъ на нихъ объясняетъ намъ не только важныя явленія въ ихъ исторіи и исторіи народовъ, съ которыми они были въ связи, или которые считаютъ себя потомками, но и основныя черты ихъ характера, который безъ сомнѣнія въ теченіи продолжительнаго времени болѣе или менѣе измѣнился въ слѣдствіе общественныхъ отношеній. Если этотъ характеръ изучивать только изъ новѣйшей Исторіи, то хотя бы мы при этомъ и не вдавались ни

въ какіе ложные взгляды, совершенно бы не знали первоначальныхъ элементовъ онаго. И какъ односторонни были бы наши свѣдѣнія о важнѣйшихъ націяхъ, если бы только мы обратили вниманіе наше на ихъ проявленія и дѣйствія въ послѣднихъ столѣтіяхъ? Какъ неправильно бы судили многіе и о характерѣ и о политическихъ отношеніяхъ настоящихъ народовъ, если бы оставили безъ вниманія первоначальный и можетъ быть самый интересный и выгодный для нихъ періодъ? Конечно обильный дѣятельностію періодъ каждой націи всегда бываетъ поучительнѣе для потомства, но и начальная судьба ея и первый ея зародышъ при всей кажущейся малозначительности не менѣе достойны изслѣдованія: потому, что они пріуготовили періодъ, обильный дѣяніями, и проясняютъ намъ послѣдующій ходъ развитія національнаго. Національное развитіе народовъ всегда зависѣло отъ направленія, происходившаго изъ способа, причинъ, цѣли и обстоятельствъ первоначальнаго состава ихъ. Доказательствомъ служитъ то, что большая часть Европейскихъ націй происходитъ отъ смѣшенія поколѣній или *а.) одного и того же племени* между собою, какъ то: Шведская, Датская, Голландская и Германская, отъ сліянія двухъ болѣе или менѣе сходныхъ бытовъ въ одинъ

общій, иногда съ равнымъ значеніемъ обоихъ, иногда съ перевѣсомъ одного, или *б.) нѣсколькихъ разныхъ племенъ*, но такъ, что одно племя было всегда общимъ для многихъ, какъ то: племя Германское вообще и Скандинавское въ особенности. Послѣднее служитъ зародышемъ націй Русской, Англійской, Неаполитанской и другихъ. Впрочемъ характеры всѣхъ націй, произшедшихъ тѣмъ или другимъ способомъ, ни въ чемъ теперь не имѣютъ сходства: не потому, чтобы въ первомъ случаѣ никогда не было между ними онаго, а во второмъ не потому, чтобы одно племя при взаимномъ слiяніи всегда теряло элементы своего прежняго быта и принимало совершенно быть другихъ. Наконецъ также и не потому, чтобы различіе родилось между націями въ новѣйшее время и въ слѣдствіе новѣйшихъ отношеній общественныхъ; но потому, что каждая изъ сихъ націй, при самомъ происхожденіи своемъ, принимала въ развитіи своемъ отличное отъ другихъ направленіе, такъ что сходныя черты тогда же начинали изчезать и къ концу среднихъ вѣковъ каждый народъ явился съ собственною національностію, какую теперь замѣчаемъ.

Общій ходъ образованія Европейскихъ націй и государствъ былъ слѣдующій: при

племени исключительно были родоначальниками теперешнихъ націй Европейскихъ: *древнее Римское, Германское* и *Славянское*. Первое служило такъ сказать дополненіемъ втораго: ибо оно вошло въ составъ его и въ теченіи времени слилось съ нимъ совершенно. Отличительною чертою первоначальнаго быта *Германцевъ* и *Славянъ* было дробное раздѣленіе ихъ на поколѣнія, которыя были независимы другъ отъ друга и жили отдѣльно каждое поколѣніе по своему, не примѣняясь къ другимъ. Этотъ раздѣлъ между Славянами оставался долго, до X вѣка, до времени соединенія ихъ въ самобытныя государства, а между Германцами уничтожился въ половинѣ третьяго вѣка, когда Римъ при Филиппѣ Аравитянинѣ торжествовалъ играми и увеселеніями свое тысящелѣтнее существованіе. Въ это время весь Германскій міръ сосредоточился въ двухъ религіозныхъ массахъ: одна, занимавшая центръ и югозападъ Германіи, по прежнему согласно съ описаніемъ Тацита боготворила *силы природы* въ лѣсахъ и при источникахъ; другая, обитавшая въ Скандинавіи и на сѣверовостокѣ Германіи, послѣдовала за вновь появившимся *ученіемъ Одина*, которое тѣсно соединялось съ бытомъ гражданскимъ и воинскимъ. Эта масса состояла изъ народовъ Скандинавскихъ:

Англовъ, Саксовъ, Готѳовъ и *Норманновъ*. Въ третьемъ вѣкѣ Готѳы оставили свои жилища и двинулись на востокъ, гдѣ раздѣлились на двѣ новыя части: *Ост-Готѳовъ* и *Вест-Готѳовъ*, и гдѣ другія племена, подвергшіеся ихъ владычеству, должны были принимать ихъ религію; а потомъ въ Германію. Слѣдствіемъ сего вторженія и поселенія поклонниковъ Одина въ Германіи было соединеніе туземцевъ, которые не хотѣли подвергнуться ни владычеству вторгшихся, ни принять ихъ религіи, въ большія самобытныя двѣ массы: *Франковъ* и *Аллеманновъ*. Въ составъ первыхъ вошли поколѣнія, обитавшія между Рейномъ, Эмсомъ и Фульдою до самаго Везера; главныя изъ нихъ: *Катты, Херуски, Хавки, Тенктеры, Бруктеры*. Аллеманны также суть смѣшанный народъ, составленный изъ многихъ поколѣній. Цѣль соединенія тѣхъ и другихъ состояла первоначально въ томъ, чтобы освободиться отъ притѣсненій Скандинавскихъ соплеменниковъ, хотѣвшихъ насильно дать имъ Одинову религію и свой образъ правленія; а по отраженіи внѣшнихъ притѣсненій для того, чтобы дѣйствовать общими силами противъ Римской Имперіи. Такимъ образомъ послѣ сего начинается замѣчательный процессъ, по которому міръ Германскій началъ измѣняться въ общества

гражданскія, посредствомъ сліянія его съ племенами Римскаго образованія и поколѣніями, которыя блуждали въ Югозападной Европѣ безъ цѣли, безъ пріюта, вытѣсненныя сильнѣйшими изъ своихъ первобытныхъ жилищъ. Первое образовавшееся такимъ образомъ Государство было *Французское*. Основаніе ему положено было Франками побѣдою надъ Римско-Гальскими поколѣніями въ концѣ V вѣка (17). Оба поколѣнія тѣмъ тѣснѣе слились между собою 1) что всѣ прочія поколѣнія варварскія были вытѣснены изъ Галліи: Бургундцы съ береговъ Роны и Вест-Готѳы изъ Аквитаніи; 2) что побѣдители подчинились образованію побѣжденныхъ, дополнили ихъ законы собственными, а свои низземными, и приняли вполнѣ ихъ судопроизводство и церковь. Слѣдствіемъ сего было совершенное единство Франконскаго Государства во всѣхъ его основныхъ частяхъ, изъ единства родилась внутренняя сила. Сознаніе ея произвело въ Франконскихъ корояхъ духъ завоевательный. Онъ устремленъ былъ противъ Германскихъ поколѣній, обитавшихъ вокругъ Франконскаго Королевства. Естественно послѣднія не могли устоять противъ могущественныхъ Франковъ и должны были покориться ихъ вліянію и власти. Впрочемъ эти завоеванія доставили болѣе выгодъ по-

бѣжденнымъ, нежели побѣдителямъ. Первые усвоили себѣ начатки гражданскаго образованія послѣднихъ, которое сдѣлало ихъ скорѣе обыкновеннаго способными къ образованію отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ. Между тѣмъ сами Франки чрезъ присоединеніе Германскихъ племенъ къ себѣ уничтожили совершенно первоначальное свое политическо-гражданское единство: ибо чрезъ то въ Государствѣ Франконскомъ сосредоточилось множество разнородныхъ, непріязненныхъ имъ элементовъ. Такое состояніе не могло долго продолжаться и побѣдители должны были возвратить самобытность каждому изъ побѣжденныхъ поколѣній тѣмъ скорѣе, чѣмъ насильственнѣе были поступки первыхъ съ послѣдними и чѣмъ болѣе послѣдніе сознавали въ себѣ силъ къ отдѣльному существованію. Такимъ образомъ завоевательный духъ Франковъ содѣйствовалъ только къ скорѣйшему произхожденію новыхъ государствъ изъ нѣдръ Франконскаго. Такое начало имѣли всѣ Германскія Государства и Сѣверо-Италіанскія. Они стали появляться при внукахъ Карла Великаго и на столь прочныхъ началахъ основали свою самобытность, что не смотря на перевороты среднихъ и новыхъ вѣковъ, часто угрожавшіе имъ уничтоженіемъ ихъ политической самостоя-

тельности и свободы, большая часть изъ нихъ сохранила свою независимость до нашего времени и нѣкоторыя даже со славою.

Второе было *Англійское*. Англію оспаривали четыре народа разныхъ поколѣній: Британскій, Германскій, Скандинавскій и Романскій, и изъ смѣшенія всѣхъ ихъ, обладавшихъ въ разныя времена островомъ, образовалась нынѣшняя Англійская нація. Слѣды сего смѣшенія обнаруживаются въ ея характерѣ и жизни. Третіе *Испанское* на Пиринейскомъ полуостровѣ. Оно произошло отъ сліянія Римскихъ варваровъ: *Иберійцевъ* и *Басковъ* съ *Германскими*, изъ которыхъ Вест Готѳы были многочисленнѣе, сильнѣе и образованнѣе прочихъ, а потому они подчинили себѣ весь полуостровъ и сдѣлались основателями государства, которое хотя было стѣснено въ послѣдствіи Магометанами, но не уничтожено: корень онаго сохранился невредимымъ среди гористыхъ областей Галиціи, Астуріи, Бискаіи, такъ, что отъ него произошли въ послѣдствіи новыя государства, до сихъ поръ непотерявшія своей самобытности. Сліяніе обитателей Пиринейскаго полуострова въ одну націю произошло не столько отъ усилій свѣтской власти, сколько отъ содѣйствія Христіанской Католи-

ческой вѣры, и оттого религія была здѣсь всегда основнымъ началомъ всего общественнаго быта. Одни Государства *Скандинавскія* произошли безъ вмѣшательства постороннихъ элементовъ. Все пространство, извѣстное подъ именемъ *Скандинавіи*, отъ самой природы кажется назначено быть однимъ цѣлымъ. Оно заселено было однимъ и тѣмъ же народомъ, у котораго только правленіе было различно. Почему первоначальное образованіе Скандинавскихъ Государствъ произошло отъ стремленія къ соединенію ихъ между собою. Именно, Скандинавскій народъ при самомъ вступленіи своемъ на поприще исторіи является въ видѣ многихъ небольшихъ, политическихъ округовъ; оттого первымъ его направленіемъ было, чтобы изъ сихъ малыхъ округовъ образовать большіе, и въ самомъ дѣлѣ при содѣйствіи Христіанства всѣ малые округи были подавлены и весь Скандинавскій Сѣверъ слился въ три Государства: *Данію, Швецію* и *Норвегію*. За тѣмъ Скандинавская нація стала стремиться къ соединенію и этихъ трехъ государствъ въ одно цѣлое. Эта цѣль достигнута была при перевѣсѣ Даніи. Славянскія Государства образовались тѣмъ же ходомъ, какъ и Скандинавскія Государства, но только при содѣйствіи сосѣднихъ разноплемен-

ныхъ съ ними народовъ: такъ *Русское* при участіи Норманновъ, *Польское* и *Богемское* при вліяніи Нѣмцевъ, *Болгарское*, при посредствѣ Грековъ и Славянъ. Такъ какъ начала, принятыя въ основаніе каждымъ изъ сихъ царствъ; были различны и неодинаково прочны, то ихъ бытъ и участь также различны. Изъ всѣхъ ихъ одно только *Русское Царство* сохранило полную свою самобытность и достигло славы, завидной для могущественнѣйшихъ и образованнѣйшихъ государствъ Европы. Между тѣмъ *Болгарское* давно вышло изъ круга царствъ самостоятельныхъ и въ настоящее время едва ли имѣетъ какіе нибудь памятники прежняго своего быта: всѣ они истреблены разрушительною силою Османовъ, въ періодъ переселенія послѣднихъ въ Европу. Самый народъ Болгарскій изчезъ въ многочисленной массѣ побѣдителей; *Богемское* имѣетъ только тѣнь самостоятельности; оно слилось съ Германіею, которой обязано всѣмъ своимъ образованіемъ; *Польское* наконецъ послѣ продолжительныхъ бѣдствій, обуревавшихъ его, вошло въ составъ Россійской Монархіи, которая и по географическому положенію, и по единоплеменности обѣихъ націй, и по родству нашего Правительствующаго Дома съ древнею упратившеюся Королевскою Польскою Дина-

стіею, и по политическимъ взаимнымъ связямъ и интересамъ и наконецъ по праву народному есть *единственная законная Наслѣдница и Обладательница онаго.*

II. *Въ отношеніи произхожденія гражданскаго состоянія.* Съ произхожденіемъ новыхъ народовъ и царствъ неразлучно соединяется: *Произхожденіе государственныхъ устройствъ, учрежденій и законовъ*, о которыхъ свѣдѣнія для насъ должны быть столько же интересны, какъ и о произхожденіи самыхъ народовъ. И въ самомъ дѣлѣ знать первое устройство сихъ царствъ, начальное образованіе ихъ конституцій, древнѣйшій составъ ихъ законовъ и кодексовъ со всѣми обстоятельствами къ тому способствовавшими, развѣ знать все это само по себѣ недолжно быть важно для Европейца XIX вѣка? Если мы охотно повѣряемъ басни о произхожденіи Рима, стараемся изслѣдовать основаніе перваго Греческаго Государства Аргосскаго, обращаемъ вниманіе наше на законодателей Миноса Критскаго, Ликурга Спартанскаго, Зелевка Локрійскаго, Солона Аѳинскаго, хотя и не можемъ опредѣлить, что изъ ихъ законодательства собственно имъ однимъ принадлежитъ и что самому народу; то ужели не должны быть для насъ важны произхожденіе учрежденій

еще и теперь цвѣтущихъ; образованіе устройствъ, совершенство которыхъ доказано опытомъ, и введеніе законовъ, которыхъ хотя не сославляли Боги, но по крайней мѣрѣ мужи, знаменитые практическимъ умомъ? Даже устройства многихъ новѣйшихъ, современныхъ намъ Царствъ, особенно Англійскаго, Французскаго, Испанскаго, Португальскаго и вообще всего Германскаго, не только нельзя надлежащимъ образомъ оцѣнить, но и основательно понять, не зная первоначальнаго устройства, получившаго свое начало въ средніе вѣка: потому что оно вездѣ болѣе или менѣе есть результатъ и видоизмѣненіе того, которое было господствующимъ въ средневѣковой періодъ. (18). Апологисты среднихъ вѣковъ *Гегевишъ, Ремеръ и Робертсонъ* справедливо замѣтили, что люди того времени своею практическою проницательностію превосходили, можетъ быть, своихъ потомковъ, утонченныхъ теоріями; что эти-то малосвѣдущіе, необразованные мужи, какими ихъ обыкновенно считаютъ, дали почти всѣмъ Европейскимъ землямъ такія уложенія, которымъ отчасти до сихъ поръ удивляются и которыя, будучи основаны даже на общихъ, хотя и не систематически дознанныхъ идеяхъ права и договорахъ, если теперь уже не

имѣютъ полной своей силы, по крайней мѣрѣ служатъ основаніемъ внутреннихъ отношеній и одною изъ главныхъ причинъ полноты и совершенства настоящихъ законодательствъ (19).

III. *Въ отношеніи нравственно-религіознаго состоянія.* Различіе въ условіяхъ общественнаго быта народовъ производитъ различіе и въ самыхъ ихъ нравахъ. Это различіе въ томъ и другомъ отношеніи между древними и вновь появившимися на исторической сценѣ народами такъ было велико, что тѣ и другіе, при первомъ столкновеніи между собою, сдѣлались предметомъ взаимнаго удивленія и взаимной вражды. Каждый желалъ знать другъ друга точнѣе и чѣмъ болѣе знакомились между собою, тѣмъ яснѣе видѣли контрастъ собственныхъ бытовъ и невозможность существованія обоихъ вмѣстѣ безъ борьбы и ненависти. Въ самомъ дѣлѣ эта борьба была самая упорная, продолжительная и занимательная въ Исторіи, — борьба, послѣ которой древніе нравы и обычаи должны были изчезнуть навсегда и уступить мѣсто тѣмъ самымъ, которые служили зародышемъ нравственности теперешнихъ народовъ Европы. По наблюденію Тацита надъ Германцами, Византійскихъ писателей надъ Славянами, новыя племена

въ первомъ своемъ состояніи столько же превосходили древнихъ простотою жизни, наивностію характера и безукоризненностію нравовъ, сколько сіи послѣдніе стояли выше первыхъ по своей утонченной и усовершенной гражданственности. Вѣрность, гостепріимство, любовь къ свободѣ и воинственность, по замѣчанію наблюдателей, въ Германскихъ и Славянскихъ жилищахъ (20), составляли общее свойство всѣхъ и каждаго. Всѣ эти нравственныя черты, замѣченныя древними у новыхъ племенъ Европы, тѣмъ для насъ важнѣе и любопытнѣе, что проясняютъ нравственную сторону ихъ потомковъ и слѣдовательно нашъ собственный характеръ. Природныя свойства какъ въ человѣкѣ, такъ и въ народѣ, никогда совсѣмъ не изчезаютъ, но переходятъ по наслѣдству въ отдаленнѣйшее потомство. Кто будетъ отвергать, что въ теченіи долгаго времени среднихъ вѣковъ въ самомъ дѣлѣ продолжали господствовать какое-то прямодушіе, откровенность, простота и довѣрчивость, которыхъ мало встрѣчаемъ между древними народами и которыя по крайней мѣрѣ въ многихъ не утратились еще и теперь. Впрочемъ, если при нравственныхъ достоинствахъ въ первые вѣка среднихъ временъ, намъ встрѣчается также множество примѣровъ грубости, раз-

врата, хищничества и жестокости, которыя наполняютъ душу человѣка изумленіемъ и ужасомъ, въ позднѣйшія присоединяются къ нимъ роскошь, пьянство и другія распутства; то это зло не господствуетъ ли и въ настоящее время между Европейцами (21)? Какимъ образомъ мы объяснимъ эту смѣсь нравственнаго добра и зла безъ Исторіи того времени, въ которое получила свое начало?

Но главный элементъ, отъ котораго нравственность новыхъ Европейскихъ народовъ получила новое направленіе и характеръ, отличительный отъ нравственности народовъ древняго міра, составляетъ *вѣра въ высшее и благотворительное Провидѣніе и въ твердый порядокъ вещей*, который при всемъ кажущемся безпорядкѣ невидимо поддерживается. Древнѣйшая Исторія даетъ намъ часто только отрывочныя, безсвязныя изображенія судебъ народныхъ, изъ которыхъ не вытекаетъ никакого полнаго взгляда на всемірный порядокъ. Исторія новѣйшихъ временъ возбуждала нѣсколько разъ сомнѣнія: потому, что она могла показать только часть событій, только ихъ продолженіе безъ начала и конца. Напротивъ развитіе цѣлыхъ среднихъ вѣковъ основывается на вѣрѣ въ Провидѣніе. Она

ни въ какое время не развивалась въ такой силѣ и въ такой всеобщности, какъ въ этотъ періодъ X вѣковой. Ибо не только въ отдѣльныхъ явленіяхъ и дѣйствіяхъ, но даже въ цѣломъ образѣ мышленія и способѣ повѣствованія о тѣхъ временахъ высказывается *какая-то религіозность:* набожность царей и народовъ была краеугольнымъ камнемъ преимуществъ и политической власти духовенства; религіозность была причиною Крестовыхъ походовъ и участія многихъ Государей и Князей въ оныхъ; набожность была причиною произхожденія и распространенія Монашескихъ орденовъ; набожность составляла главную черту рыцарства, набожность была источникомъ ересей, набожность была основою судопроизводства, — словомъ во всемъ и всѣми управляло религіозное чувство.

Такая религіозность уже сама по себѣ заслуживаетъ всеобщее вниманіе, гдѣ бы она ни встрѣчалась и какъ бы ни казалась недостаточною: потому, что она всегда возвышаетъ людей отъ видимаго земнаго къ невидимому небесному. Для насъ она тѣмъ значительнѣе, что и настоящее время находится подъ ея вліяніемъ: сколько есть между нами такихъ людей, которыхъ характеры и дѣйствія суть вѣрный сни-

мокъ съ жизни предковъ? Сколько встрѣчаемъ явленій въ нашей нравственно религіозной жизни, которыхъ основаніе и начало скрываются въ религіозности среднихъ вѣковъ?

IV. *Въ отношеніи церковнаго состоянія.* Къ проявленію религіознаго чувства въ народахъ среднихъ вѣковъ содѣйствовала Христіанская Церковь. Кажется одна только она своею самостоятельностію и организаціею необязана среднимъ вѣкамъ: потому что ту и другую получила гораздо прежде основанія новыхъ Царствъ Европейскихъ и при появленіи сихъ она уже имѣла полную Корпорацію: свои уставы, свое управленіе, свое чиноположеніе для всѣхъ потребностей Христіанства, свои средства къ дѣятельности независимо отъ государства и обстоятельствъ.

Но эта первоначальная, согласная съ духомъ Апостоловъ и св. Отецъ Вселенскихъ, организація Церкви сохранилась до настоящаго времени невредимою въ одной Греко-Восточной половинѣ Христіанскаго міра, а въ Римско-Западной она совершенно была измѣнена въ теченіи среднихъ вѣковъ такъ, что самостоятельность и организація Западной Церкви, въ настоящемъ ея видѣ и духѣ, есть произведеніе этого времени. Въ

шеніи онаго она: 1.) Приняла новое устройство, которое съ небольшими измѣненіями въ частяхъ существуетъ еще теперь. 2.) Утвердила новую систему ученія, отличную отъ Греко-Восточной системы вѣрованія, такую систему, которая навсегда разъединила объ господствующія Церкви и которая до сихъ поръ признается непреложною; наконецъ 3.) освятила всѣ старинныя и ввела сверхъ того многія новыя церковныя учрежденія, праздники и обряды, которые до сихъ поръ сохранились, не многіе только должны были уступить другимъ, лучшимъ. Все это учреждаемо было въ слѣдствіе разныхъ могущественныхъ обстоятельствъ политическихъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій, такъ, что точное познаніе и правильное сужденіе о Западной Церкви не возможно безъ знанія всей Исторіи среднихъ вѣковъ (22). Если Церковь и Исторія ея имѣютъ для насъ значеніе и заслуживаютъ наше вниманіе, то естественно и самые средніе вѣка, въ которые она получила окончательное внѣшнее образованіе свое, и Исторія оныхъ, должны быть для насъ важны.

V. *Въ отношеніи просвѣщеннаго состоянія.* Задолго прежде паденія Западной Римской Имперіи искуства и науки пришли въ

такой упадокъ, что невозможно было рѣшить: скорѣе ли онѣ изчезнутъ совершенно, или тронъ Цезарей Римскихъ, когда онъ потрясаемъ былъ одною только внутреннею слабостію и когда варвары еще не начинали разрушенія Римскаго Государства. Правда, что при Маркѣ Аврелiѣ еще не слишкомъ было замѣтно паденіе учености. Во время его правленія, благодѣтельнаго для наукъ, было еще много мужей замѣчательныхъ ученостію, но всѣ они были болѣе школьные ученые, нежели люди съ возвышеннымъ умомъ: въ философскихъ сочиненіяхъ нигдѣ не было ни индивидуальности, ни рѣзкихъ идей, ни свободнаго паренія великой души, но одни, всѣмъ извѣстныя, правила, обычныя разсужденія и сухіе уроки. Въ историческихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ испорченность вкуса, надутая декламація и пошлая мораль, въ поэзіи также декламація, изысканный эпиграммативмъ и приторная сантиментальность. Въ третьемъ вѣкѣ уже не только не было великихъ свѣтскихъ писателей, но даже и посредственныхъ находимъ весьма малое число. Школъ было еще много, но науки, можетъ быть, только распространялись, но ни мало не возрастали. „Науки распростра„няются въ народѣ, говоритъ Галламъ, отъ „средствъ воспитанія, свободнаго обраще-

„мія книгъ, опъ выгодъ и отличій, а ра-
„ступъ опъ всеобщаго къ нимъ уваженія
„и содѣйствія со стороны гражданскаго
„общества. Это суть питательные источ-
„ники наукъ и потому естественно, когда
„ученость изнемогаетъ, или прекращается,
„они текутъ скудно или совсѣмъ изсы-
„хаютъ (23)“.

Между тѣмъ, въ послѣдніе вѣка Римской Имперіи, господствовало всеобщее равнодушіе къ развитію наукъ и это хладнокровіе составляло отличительную черту ея жителей. Хотя Константинъ Святый, Юліанъ Богоотступникъ, Ѳеодосій Великій и другіе, каждый по своимъ видамъ, издавали законы для ободренія ученыхъ и для содѣйствія свободному воспитанію; но законы не могли отклонить летаргію невѣжества, которой даже самые природные граждане имперіи предавались охотно. Причиною такого отвращенія отъ національной литтературы, безъ сомнѣнія, были недостатокъ и упадокъ послѣдней. При такомъ направленіи умовъ нельзя было ожидать успѣховъ. Рѣшительное поселеніе варваровъ въ Галліи, Испаніи и самой Италіи довершили паденіе умственнаго развитія. Ибо съ одной стороны это поселеніе соединено было съ опустошеніями и истре-

бленіемъ, котораго не избѣгли и самыя творенія литтературы и искуствъ; съ другой стороны, почти ни одинъ изъ поселившихся на Римской землѣ не имѣлъ ни малѣйшей охоты къ наукамъ, пока не слился съ туземцами; а наконецъ, съ паденіемъ имперіи, и Латинскій языкъ пересталъ быть живымъ житейскимъ языкомъ, отъ чего всѣ сокровища древней учености надолго закрылись для народа, такъ что сдѣлалось затруднительнымъ знакомство даже съ самыми основаніями наукъ. Не многіе, которые бы можетъ быть пріобрѣли вкусъ къ литтературѣ, если бы доступны были имъ книги, видѣли себя принужденными прекратить ученіе. Таково было состояніе наукъ во время паденія Западной Римской Имперіи. Изящныя искуства были еще въ худшемъ состояніи: не было ни талантовъ, ни произведеній замѣчательныхъ; самые памятники древнѣйшіе были погребены подъ развалинами имперіи. Такимъ образомъ новые народы, по переселеніи изъ Германскихъ и Сарматскихъ лѣсовъ въ Римскія провинціи, должны были по необходимости коснѣть въ первобытномъ своемъ невѣжествѣ. Съ VI вѣка уничтожилась, казалось, и самая надежда вмѣстѣ съ возможностію прекратить когда либо летаргію невѣжества: ибо 1) сами духовные старались устра-

нить всю паству отъ занятій науками древняго міра, опасаясь, чтобы онѣ не повредили Христіанской вѣрѣ, а потому или сжигали уцѣлѣвшіе памятники древней литтературы, или скрывали оные въ мѣста неприступныя. Такъ Папа Григорій Святый сжегъ *Bibliothecam Palatinam* въ Римѣ (24). Спрахъ этотъ господствовалъ и прежде Григорія I. *Кассіодоръ* старался разсѣять оный и частію по этому самому случаю, частію, чтобы недостаткомъ книгъ сдѣлать не слишкомъ замѣтнымъ для желающихъ просвѣщенія; 2) всѣ науки древняго міра совмѣстилъ въ своемъ сочиненіи: *de artibus ac disciplinis liberalium litterarum.* Никогда область Западной Римской Имперіи не была такъ стѣснена и изуродована, какъ область наукъ—подобнымъ сокращеніемъ, изъ котораго произошли *trivium et quadrivium.* Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, съ VI и до конца XI, на всемъ Западѣ Европы вся умственная образованность состояла въ изученіи этихъ семи свободныхъ искуствъ Кассіодора, или *originum libri viginti* Испанскаго Епископа *Исидора*, и *Satyricon Марціана*, которые всѣ, съ небольшими различіями въ подробностяхъ, содержали одно и тоже *trivium et quadrivium* или *Грамматику, Риторику* и *Діалектику; Ариѳметику, Геометрію, Астрономію* и *Му-*

выку. Правда, дополненіемъ къ нимъ въ иныхъ мѣстахъ служили чтеніе и изученіе Священнаго Писанія и знаменитѣйшихъ Отцевъ Церкви по правиламъ Кассіодора, которые произвели *Богословіе Схоластическое*, въ другихъ чтеніе переводныхъ *Медицинскихъ сочиненій Галена и Гиппократа*, и *Гербаріума Діоскорида;* въ Испаніи Франціи и Италіи прибавляли еще *извлеченіе изъ Римскихъ законовъ*, сдѣланное по повелѣнію Готскаго Короля Аларика. Но и эти скудные источники учености не для многихъ были доступны: личность и мѣстность, господствовавшія во всѣхъ отношеніяхъ общественной жизни средневѣковыхъ народовъ, господствовали также и въ самой учености, именно: она сосредоточивалась въ монастыряхъ и составляла достояніе однихъ духовныхъ лицъ: кто хотѣлъ слыть ученымъ, тотъ долженъ былъ сдѣлаться духовнымъ, такъ что *clerici, clercs* и *gelehrte-docti* обратились въ синонимъ, даже князья, если были учены, назывались *Clercs* (25). Изъ этого права личности на ученость вышло 1) Что Богословіе сдѣлалось царицею тѣснаго круга наукъ. Прочія всѣ были его прислужницами. 2) Высшія сословія и благородное юношество скоро совершенно охладѣли даже къ 7-ми свободнымъ искуствамъ. Такимъ образомъ все это имѣло слѣдствіемъ

то, что кругъ людей, имѣвшихъ понятія о наукахъ, ограничивался однимъ почти духовенствомъ. Напротивъ мѣстность дѣлала затруднительнымъ доступъ къ наукамъ часто и самому духовенству. Именно, до самаго конца XI вѣка, извѣстные намъ *artes* et *doctrinae liberales* съ своими прибавками никогда не были въ ходу и силѣ вдругъ во всѣхъ Государствахъ Западной Европы; но переходили изъ одного въ другое какъ бы по очереди, такъ, что если въ одномъ начинали процвѣтать, то въ другомъ совершенно прекращались, самыя школы даже уничтожались. Отъ этого, хотя собственно занятіе науками въ теченіи среднихъ вѣковъ не прерывалось, но оно всегда ограничивалось малымъ кругомъ пространства и не могло быть доступно равно для всѣхъ. Посему, когда изъ духовныхъ одного государства являлись мужи просвѣщенные, тогда во всѣхъ другихъ едва умѣли читать и писать. Такимъ образомъ на перекоръ ученымъ можно сказать, что ни одинъ вѣкъ не былъ грубѣе другихъ, но въ каждомъ вѣкѣ всѣ государства, кромѣ одного, были во мракѣ невѣжества. Такъ въ VI, VII и VIII вѣкахъ просвѣщеніе сосредоточивалось между одними Англосаксами въ Ирландіи и Шотландіи; съ конца VIII вѣка до конца IX господствовало во Франціи, въ IX

и X вѣкѣ между Германцами, а въ XI и XII между Датчанами въ Исландіи и вновь ожило во Франціи и Италіи. Возрожденіе онаго въ сихъ двухъ Государствахъ было началомъ всеобщаго возобновленія наукъ. Оно произошло не изъ ревности къ Христіанству, какъ было прежде до IX вѣка но единственно изъ стремленія къ умственному образованію: ибо чѣмъ продолжительнѣе было время всеобщаго невѣжества, тѣмъ томительнѣе сдѣлалась жажда къ просвѣщенію. Посему въ концѣ XI вѣка начался проблескъ и восходъ того самаго свѣта, который озарилъ послѣдующіе вѣка. Искры древней учености, таившіеся подъ пепломъ развалинъ древняго міра, начали проявляться въ разныхъ мѣстахъ подобно фосфорическимъ огнямъ, обнаруживающимъ подъ собою присутствіе сокрытыхъ тѣлъ, и открыли средневѣковымъ народамъ источникъ, изъ котораго они могли удовлетворить своей жаждѣ образованія, пополнить недостатки своего самобытнаго развитія и почерпнуть правила для дальнѣйшей умственной дѣятельности. Классицизмъ скоро слился съ духомъ и идеями среднихъ вѣковъ и произвелъ сильное движеніе въ умахъ. При каждомъ соборѣ и почти во всѣхъ значительныхъ монастыряхъ, въ XII вѣкѣ открылись училища. Основаны были Коллегіи и

Университеты, какъ отдѣльныя вѣдомства, и превосходныя познанія не въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ были поощряемы отличіями, учеными достоинствами и почестями, но и въ обществѣ стали предметомъ почтенія и возводили на мѣста значительныя.

Умственная дѣятельность, пробудившаяся въ средневѣковыхъ народахъ, не ограничивалась одною областію науки, но она простиралась и на самыя искуства всѣхъ родовъ, именно:

1) *На изящныя искуства*, которыя получили совершенно новое направленіе и другую форму, особенно Поэзія, Живопись, Архитектура и Скульптура.

2) *На промышленность производящую вообще*, и, въ особенности, на земледѣліе со всѣми его отраслями и занятіями. Оно въ древнія времена въ одной Римской Республикѣ было особеннымъ предметомъ народнаго вниманія, а потому большею частію осталось въ незавидномъ положеніи. Римляне первые стали удобрять землю изверженіями животныхъ и растеніями и, кажется, первые изъ Европейцевъ узнали искуство прививанія деревъ. Въ средніе вѣка, по ослабленіи феодальной системы, зем-

ледѣліе сдѣлалось одною изъ главныхъ народныхъ промышленностей. Возстановленіемъ его въ большей части Европы мы обязаны отчасти монахамъ. Они для уединенной своей жизни избирали пустынныя мѣста и обработывали ихъ собственными своими руками. Такимъ образомъ въ теченіи среднихъ вѣковъ земледѣліе въ иныхъ странахъ, особенно въ сѣверныхъ, было введено вновь, а въ другихъ, въ южныхъ странахъ Европы, было болѣе распространено; наконецъ 3) *На промышленность обработывающую и литновую.* Возрожденіе первой тѣмъ для насъ важнѣе, что безъ нее настоящія мануфактуры и фабрики едвали были бы въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ онѣ находятся (25). Обработывающая промышленность среднихъ вѣковъ облегчила дальнѣйшее совершенствованіе ея и была основаніемъ современной. Торговая промышленность, подобно обработывающей, получила въ средніе вѣка такое направленіе, которое древнимъ совершенно, или по крайней мѣрѣ мало было извѣстно. Оно увеличивало дѣятельность фабриканта и купца и тому и другому доставляло выгоды чрезвычайныя. Итакъ средніе вѣка были разсадникомъ всего того, чѣмъ мы славимся теперь въ общественной нашей жизни и колыбелію настоящаго нашего быта.

Средніе вѣка, положивъ послѣ продолжительныхъ переворотовъ и перемѣнъ начало и основаніе всѣмъ состояніямъ нынѣшней общественной жизни, *въ самомъ развитіи сихъ состояній*, согласно съ духомъ новѣйшаго времени, такъ много сдѣлали успѣховъ, что потомству оставалось немного труда докончить усовершенствованіе оныхъ: на всѣ состоянія наложили свою печать, всѣмъ дали прочное направленіе и вѣковую жизнь и сообщили самыя средства къ поддержанію ихъ существованія. Это развитіе такъ шло быстро впередъ, что начало и конецъ средневѣковаго періода совершенно были непохожи другъ на друга въ отношеніи общественнаго народнаго быта. „Въ началѣ среднихъ „вѣковъ, слова Людена, все представляет„ся разъединеннымъ или зараждающимся; „ничего не было прочнаго и опредѣлен„наго: ни народовъ съ свободною соб„ственностію, ни государствъ съ безопас„ными границами, ни языковъ въ непри„косновенной чистотѣ, ни порядка, ни за„кона, который бы имѣлъ силу въ жизни, „ни права, ни власти. Всюду опустошеніе „и насиліе, замѣшательство и одичалость; „всюду разпутныя похоти, пустыя жела„нія, воспорги и нужда. Въ одномъ мѣ„стѣ жизнь утратила свой прежній блескъ,

„свою былую прелесть и радости; въ дру-
„гомъ мѣстѣ являются свѣжія силы, но
„онѣ не имѣли ни основанія, ни прочно-
„сти, ни направленія, ни руководства (27).“
Въ концѣ среднихъ вѣковъ находимъ про-
тивное: народы являются съ характерами
опредѣленными, съ чистыми понятіями на-
ціональности и въ разительной противо-
положности другъ съ другомъ по взаим-
нымъ интересамъ; царства съ ясно созна-
ваемыми цѣлями и съ полнымъ организ-
момъ, законы всеобъемлющими для всѣхъ
отношеній общественныхъ, для всѣхъ от-
раслей дѣятельности человѣческой, города
въ обиліи и цвѣтущемъ состояніи, сосло-
вія устроенными, промышленность обшир-
ною, или по крайней мѣрѣ достаточною
для удовлетворенія тогдашнихъ потребно-
стей, жизнь и мысль съ такимъ богат-
ствомъ формъ и идей, которое въ ско-
ромъ времени не могло вмѣститься въ тѣ-
сномъ кругу понятій, образовавшемся отъ
бывшаго застоя въ умственной дѣятель-
ности народовъ. Многіе удивляются ужа-
сному разстройству первой половины сред-
нихъ вѣковъ, безпечности и косности на-
родовъ въ такомъ анархическомъ состоя-
ніи. Но здѣсь не люди были причиною,
что не было лучше. Эти люди не были
слабоумны; ихъ желаніе часто также бы-

ло доброе и намѣренія не рѣдко были столь же благотворительны, какъ и въ другія времена. Эта анархія не отъ нихъ произошла, но была результатомъ паденія древняго міра. Окруженные и разстроенные безконечнымъ замѣшательствомъ, они не могли сдѣлаться повелителями общественныхъ отношеній. Все это было естественно; но то удивительно, какимъ образомъ новые народы, наконецъ, вышли изъ сего хаоса, какимъ образомъ имъ удалось ввести въ жизнь свой вѣковой законъ и изъ смѣшанныхъ народныхъ массъ образовать націи и національныя государства. Прежде окончанія этого образованія стройная общественная жизнь не могла появиться. (28). Кажется слѣдить это постепенное развитіе народовъ, борьбу духа съ хаосомъ и видѣть, какъ вѣчное Провидѣніе изъ смѣшанныхъ народныхъ массъ образуетъ народы, и какъ оно сихъ послѣднихъ выводитъ изъ непроницаемаго мрака къ ясному свѣту, изъ тягостнаго рабства къ тихой свободѣ, изъ дикаго насилія къ законному порядку, составляетъ уже большой интересъ для современнаго философа-политика; но этотъ интересъ еще становится выше для насъ, что эти народы были наши предки, въ судьбѣ ихъ заключалась наша судьба, ихъ побѣда пріугото-

вила наше благосостояніе, а неудача могла лишить насъ славы просвѣщеннаго вѣка. Естественно, я не могу здѣсь въ строгой исторической послѣдовательности событій и времени изобразить какимъ образомъ развитіе всѣхъ состояній, имѣющихъ силу и жизнь въ настоящее время, совершалось въ теченіи средневѣковаго періода; а потому ограничиваюсь только развитіемъ того, что средніе вѣка сдѣлали въ отношеніи развитія главныхъ состояній общественной жизни и въ какомъ видѣ передали оныя новѣйшимъ вѣкамъ.

I. Въ отношеніи развитія политическаго. По общему мнѣнію ученыхъ, внѣшняя политическая жизнь составляла посторонній и маловажный предметъ вниманія и дѣятельности народовъ средневѣковыхъ (29), потому что главнымъ ихъ занятіемъ было развитіе внутренняго гражданскаго быта. Изъ этого мнѣнія непосредственно вытекаетъ другое: будтобы Европа образованіемъ и развитіемъ внѣшнихъ своихъ отношеній обязана исключительно тремъ послѣднимъ вѣкамъ (30). То и другое мнѣніе съ одной стороны поверхностно, а съ другой, слишкомъ пристрастно. Внѣшняя жизнь каждаго государства такъ тѣсно связана съ внутреннею его жизнію, что гдѣ послѣд-

ния развивается, тамъ и первая по необходимости должна усовершаться и принимать значеніе, потому что политическая жизнь народа, или государства есть ни что иное, какъ проявленіе внутренней его жизни, отпечатокъ государственной силы и отблескъ гражданской цивилизаціи. Посему нельзя не предполагать, чтобы при постоянномъ вниманіи и стремленіи къ развитію всевозможныхъ родовъ внутренняго состоянія, средневѣковыя Европейскія Государства не старались иногда при этомъ опредѣлить, улучшить и возвысить жизнь свою въ политическомъ, т. е. внѣшнемъ отношеніи. Предположеніе подтверждается самымъ дѣломъ. Но если это стремленіе ускользаетъ отъ вниманія историка и ученаго изыскателя, то во первыхъ потому, что долго ограничивалось развитіемъ внѣшней жизни націй не въ цѣломъ, а по частямъ,—развитіемъ самыхъ тѣхъ элементовъ въ отдѣльности, безъ которыхъ она невозможна, и во вторыхъ потому, что систематическое и на опредѣленныхъ правилахъ основанное понятіе о политической жизни государствъ въ духѣ новѣйшаго времени, разительнымъ образомъ имѣло случай обнаружиться въ первый разъ въ XV вѣкѣ, къ исходу среднихъ вѣковъ. Основные элементы политической жизни

суть *самостоятельность*, *національность* и *государственный интересъ* народовъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, при самомъ соединеніи народовъ въ государства самобытныя, не было ни одного изъ сихъ элементовъ, а потому не было и политической жизни. Самыя государства, какъ и Россія до Іоанна III, говоря словами Карамзина, были тогда въ мракѣ тѣней, гдѣ еще не имѣли ни совершеннаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Обозначить съ точностію моменты и степень развитія каждаго элемента порознь — слишкомъ трудно, почти невозможно. Всѣ три развивались вмѣстѣ и каждый по мѣрѣ прочихъ. Можно безъ труда найти много событій, которыя возобновляли въ націяхъ Европейскихъ стремленіе къ развитію и обобщенію оныхъ, уничтожали застой политическихъ понятій и дѣятельности; но чтобы опредѣлить самые результаты раждавшихся движеній въ политическихъ идеяхъ, когда, какъ и въ какой степени тотъ или другіе элементы развились, для того потребны терпѣніе, усиліе, соображеніе и всѣ пособія ученості: потому что результаты сіи образовались не вдругъ, медленно, въ теченіи десятилѣтій и даже цѣлыхъ вѣковъ и обнаруживались въ каждомъ государствѣ гораздо позже событій, производившихъ оные. Главные изъ такихъ

событій суть: *вторженіе Магометанъ въ Европу* въ первой половинѣ VIII вѣка, которое привело въ трепетъ весь югозападъ Европы и утвердило политическое единство во Франціи; *могущество и властолюбивые планы Карла Великаго,* заставившіе князей и предводителей Германскихъ искать защиты и помощи во взаимныхъ связяхъ и въ непріязни къ чесполюбцу; *набѣги Норманновъ* въ половинѣ IX вѣка на западъ и востокъ Европы, сблизившіе разныя поколѣнія Германскаго, а равно и Славянскаго племени между собою; *покореніе Англіи Вильгельмомъ, Герцогомъ Норманскимъ* въ половинѣ XI вѣка, отъ чего между Французскими и Англійскими Королями образовались самыя запутанныя и враждебныя отношенія; *борьба Генриха IV* Императора *съ Папою Григоріемъ VII* въ тоже время, *притязаніи Фридриха I Барбароссы на Италію* во второй половинѣ XII вѣка, а особенно: *Крестовые походы* всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, *варварское нападеніе Монголовъ на Европу* въ концѣ первой половины XIII вѣка, *вражда Гвельфовъ съ Гибелинами* современно набѣгу Моголовъ, *столѣтняя война Франціи съ Англіею* за Французскую корону, *войны Магометанъ съ Христіанами на Пиринейскомъ полуостровѣ* въ XIII и XIV вѣкѣ, *переселеніе Османовъ въ Европу* по

разрушеніи Византійской имперіи въ половинѣ XV вѣка, наконецъ *Италіянскія войны* въ исходѣ XV и началѣ XVI вѣка. Только на послѣднія 7 событій съ начала Крестовыхъ походовъ до конца Италіянскихъ войнъ можно указать, что движеніе, произведенное ими въ политической жизни какого-либо государства, обнаружило свои результаты ясно и непосредственно во время ихъ проявленія или при концѣ оныхъ, и по потому, что онѣ были самыя продолжительныя, занимавшія собою міръ историческій въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, именно:

1) *Крестовые походы.* Вліяніе ихъ на развитіе элементовъ политической жизни націй и образованіе системы политической столь было велико, что только по незнанію среднихъ вѣковъ и упорному пристрастію къ новѣйшимъ вѣкамъ можно не замѣчать онаго. Дѣятельность политическая пробудилась во всѣхъ государствахъ и развѣ только потому не хотятъ допустить ее, что она произходила большею частію въ духѣ и отъ имени Церкви, имѣла другія названія и совершалась по другимъ началамъ. Но характеръ и результаты ея были произведеніемъ чисто политическихъ расчетовъ: таковы походы

Нѣмцевъ противъ Прибалтійскихъ и другихъ Славянъ,—союзы Папъ, Ломбардцевъ и Норманновъ Сицилійскихъ между собою противъ Императоровъ Нѣмецкихъ,— вмѣшательство Императоровъ въ Венгерскія дѣла,— поведеніе Французскихъ Королей въ отношеніи Англійскаго Короля Генриха II и его дѣтей,—союзы военные Императора Людвига IV Баварскаго сперва съ Эдуардомъ III противъ Филиппа VI, и потомъ съ послѣднимъ противъ перваго,— стремленіе Нѣмецкихъ Императоровъ со времени паденія Гогенштауфеновъ къ увеличенію своихъ владѣній на счетъ сосѣдей и т. д. Словомъ Европейскія Западныя Государства начали обращать вниманіе на предпріятія и дѣла своихъ сосѣдей и образовать систему безопасности. Европейскіе народы перестали смотрѣть другъ на друга, какъ на отдѣльныя общества людей, несоединяемыя между собою никакою общею пользою; начались связи, явились договоры торговые, какъ наприм. у Англіи съ Геквиномъ, Норвежскимъ Королемъ въ 1217 году, съ Фламандцами въ XIII и XIV вѣкахъ, военные какъ то: у Пуллянъ съ Сельджукскими Турками въ 1279 году, съ Монголами противъ Мамелюковъ,—у Греческихъ Императоровъ съ Папами противъ Османовъ и пр. Но чѣмъ

обыкновеннѣе и чаще дѣлались подобныя сношенія и связи, тѣмъ болѣе каждая нація начинала отличаться въ политической жизни одна отъ другой своими *видами* и *интересами*, такъ что въ концѣ Крестовыхъ походовъ, не смотря на единство вѣры, виды каждой изъ нихъ на Западѣ Европы явились гораздо въ разительнѣйшей между собою противоположности, нежели самое Христіанство съ Исламизмомъ ([31]).

а) *Вражда Гвельфовъ съ Гибелинами.* Она мало по малу распространилась по всей Германіи и Италіи. Въ первой кончилась совершеннымъ паденіемъ Гибелиновъ въ половинѣ XIII вѣка и это паденіе утвердило власть и самостоятельность владѣтельныхъ Германскихъ князей, тѣснимыхъ доселѣ императорами. Въ Италіи ни Гибелинская партія подъ начальствомъ Гогенштауфеновъ, ни партія Гвельфовъ подъ начальствомъ Сицилійскихъ Королей изъ дома Анжу не могли получить господства. Взаимные ихъ раздоры сдѣлали Италіанцевъ независимыми, а тѣмъ самымъ пріучили туземцевъ смотрѣть на ихъ землю, какъ никому неподвластную, и поселили въ каждомъ сильномъ городѣ стремленіе *къ отдѣльной самостоятельности*, какъ къ величайшему счастію. Отсюда произошло то,

что Италія раздѣлилась на множество мѣлкихъ государствъ, коихъ существованіе можно было поддержать только искуственными средствами. Посему главною цѣлію Италіанской политики было установить такую систему политическихъ союзовъ, чтобы никакое государство на Аппенинскомъ полуостровѣ не было сильнѣе и не было опасно для свободы и самостоятельности прочихъ. Для этого они ввели, чтобы силы Государствъ Италіанскихъ, дѣйствуя другъ на друга, взаимно удерживали себя въ предѣлахъ права. Общая безопасность возможна только при равновѣсіи способовъ нападенія и защиты (32). Такимъ образомъ въ Италіи, по прекращеніи вліянія Нѣмецкихъ Императоровъ, которые нѣкогда защищали слабаго отъ нападеній сильнаго, появилась сперва *идея политическаго равновѣсія*, а потомъ мало по малу утвердилась полная система онаго.

3) *Войны Магометанъ съ Христіанами на Пиринейскомъ полуостровѣ.* Войны сіи можно назвать вторато рода Крестовыми походами и по народамъ борющимся между собою, и по духу, и по продолжительности, и по результатамъ. Онѣ начались побѣдою Короля Астурійскаго надъ Сарацинами при Заморѣ въ 901 году, и кончились завоеваніемъ Сивиллы и Мурціи при Фер-

динандѣ III-мъ Кастильскомъ, въ половинѣ XIII вѣка, полнымъ владычествомъ Христіанъ надъ Магомеданами. Въ политическомъ отношеніи онѣ развили тѣже понятія на Пиринейскомъ полуостровѣ, какія развились въ прочей Западной Европѣ въ слѣдствіе Крестовыхъ походовъ на востокѣ, и другихъ великихъ событій: а.) Христіанскіе Короли, во время своей борьбы съ Магометанствомъ, постигли выгоды общихъ политическихъ союзовъ. Они соединялись для общихъ предпріятій и каждый годъ союза ознаменованъ былъ какимъ нибудь важнымъ завоеваніемъ. Такъ Короли Наварскій, Кастильскій и Аррагонскій заключили между собою Ліонскій союзъ въ половинѣ XII вѣка противъ своихъ враговъ и въ слѣдствіе онаго, въ 1147 году, завоевали Алмерію, въ 1148 году Тортозу, въ 1149 г. Лериду и Фразу, а въ 1150 году одержали знаменитую побѣду надъ Сарацинами при Кордовѣ. Потомъ Санхо VII, Альфонсъ VIII и Петръ II, въ 1210, образовали второй союзъ и чрезъ два года при Тулузѣ одержали блистательную побѣду надъ 500,000 Аравитянъ (33). Впрочемъ Христіане Пиринейскіе не гнушались заключать союзы съ самими даже Магометанами для поддержанія политическаго равновѣсія, если только имѣли къ тому случай. Такой

случай предстaвился имъ въ войнѣ Моравидянъ съ Альмогадами съ 1122 по 1146 годъ. Короли приняли сторону первыхъ и заключили съ ними союзъ оборонительный и наступательный, чтобы дать возможность Африкѣ отдѣлиться отъ Испаніи (34). б.) Далѣе самое прекращеніе сихъ войнъ имѣло сильное вліяніе *на развитіе національности* Христіанъ Пиринейскихъ. Именно, за окончаніемъ войнъ слѣдовалъ продолжительный міръ между Христіанами и Сарацинами, во время котораго оба противоположные элемента слились между собою. Посему если объ массы народонаселенія не должны были слиться совершенно, то нужно было, поелику національное прежнее развитіе уже совершенно изчезло, дать національности другой характеръ, которымъ бы могли различаться оба элемента. Этотъ знакъ различія того и другаго народонаселенія заключался въ чистотѣ крови и чистотѣ вѣры. Испанцы еще и теперь гордятся произхожденіемъ отъ древнихъ Христіанскихъ фамилій и сохраненіемъ Христіанской вѣры во всей чистотѣ съ древнихъ временъ, а изъ этихъ двухъ обстоятельствъ развились остальныя черты національности народовъ Пиринейскаго полуострова.

4) *Столѣтняя Французско-Англійская война.* Англичане въ теченіи четырехъ вѣковъ были опасными соперниками Французовъ во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ политическихъ. Имѣя всегда открытый путь во внутренность Франціи посредствомъ своихъ обширныхъ въ ней владѣній, они всегда противудѣйствовали послѣднимъ, стѣсняли ихъ свободу политическую и безпрестанно прерывали развитіе внутреннее. Наконецъ въ этой войнѣ бѣдствія Франціи достигли высшей степени, но это была послѣдняя вспышка потухавшаго пламени: насиліямъ Англичанъ положенъ былъ предѣлъ дѣятельностію Карла VII и патріотизмомъ пробудившимся во всѣхъ сословіяхъ Французскихъ. Мало этого: въ какой степени съ XI до половины XV вѣка Англія имѣла въ политическомъ отношеніи перевѣсъ надъ Франціею, въ такой же степени съ сего времени послѣдняя пріобрѣла оный надъ первою чрезъ присоединеніе къ себѣ областей ея на твердой землѣ. Этимъ приращеніемъ внѣшней силы, соединеніемъ Франціи въ одно цѣлое, Французскіе Короли воспользовались къ развитію внутреннихъ силъ націи и къ средоточенію ихъ въ своихъ рукахъ. Именно: въ продолженіи упорныхъ кровопролитій между Франціею и Англіею, поняты были всѣ недостатки феодальнаго

рашнаго устройства. Войска, привыкшія быть на службѣ только по нѣсколько недѣль, были невыгодны для долговременной войны и, будучи составлены преимущественно изъ тяжелой конницы, не были способны ни къ осадѣ, ни къ оборонѣ городовъ и крѣпостей. Посему Французскіе Короли, желая повелѣвать постоянною силою, стали нанимать солдатъ и, подъ предлогомъ содержанія въ готовности достаточной силы для защиты Королевства отъ внезапнаго нападенія Англичанъ, съ 1443 года не распускали ихъ и въ мирное время. Учрежденіемъ такого войска Карлъ VII произвелъ важный переворотъ въ политическомъ состояніи дѣлъ и устройствѣ своего государства. Феодальная аристократія была усмирена и подавлена тѣмъ скорѣе, что многіе знатные роды опитъ ударовъ войны пресѣклись и лены ихъ достались казнѣ. Все это до такой степени увеличило самодержавіе Карла VII, что онъ скоро безъ всякаго сопротивленія измѣнилъ и самое устройство государственное. Имѣя войско, онъ смѣлѣе сталъ распоряжаться своими подданными и ихъ собственностію. Частные политическіе интересы изчезли, а явился одинъ общій, національный интересъ и Франція, дотолѣ раздробленная и угнѣтенная, вдругъ является державою не только

въ высшей степени самостоятельною; но и опасною для своихъ сосѣдей (35). Послѣдніе, будучи встревожены собиравшеюся надъ ними грозною силою, для собственной безопасности стали подражать примѣру Франціи въ образованіи постоянныхъ правильныхъ войскъ, ибо выгоды отъ оныхъ, при нападеніяхъ и оборонѣ по причинѣ введенія пороха и пушекъ, были очевидны. Наемныя войска явились во всѣхъ значительныхъ королевствахъ твердой земли (36). Но количество сихъ войскъ не могло быть болѣе количества самыхъ средствъ для содержанія оныхъ; а средствами Франція была богаче всѣхъ державъ. Посему одни войска еще не могли быть ручательствомъ въ безопасности со стороны ея, отъ чего сосѣди стали наблюдать за политическимъ направленіемъ ея съ завистію и страхомъ, начали думать о дѣйствіяхъ въ союзѣ и согласіи и нечувствительно готовились къ образованію политической системы для установленія и сохраненія равновѣсія въ могуществѣ, наиболѣе сообразнаго съ общественною безопасностію. Благотворныя правила, которыя учатъ новѣйшихъ политиковъ бодрствовать при видѣ отдаленныхъ опасностей, побуждаютъ ихъ противиться первымъ притязаніямъ грознаго могущества и содѣлываютъ каждое государ-

ство въ извѣстной степени блюстителемъ правъ и независимости его сосѣдей, стали теперь приходить въ ясность и имѣть силу и приложеніе. Въ продолженіе самой Французско-Англійской войны, Государи Западной Европы уже не совсѣмъ были равнодушны къ перемѣннымъ успѣхамъ враждующихъ сторонъ и мнѣніе историковъ новѣйшихъ, будто бы прочіе государи не принимали никакихъ мѣръ прозорливой и мудрой политики для отвращенія пагубнаго для Европы сліянія обоихъ королевствъ подъ одну корону, противорѣчитъ самому дѣлу и извѣстіямъ современниковъ. Въ войнѣ Эдуарда III съ Филиппомъ VI, на сторонѣ перваго видимъ *Нидерландцевъ*, гдѣ въ пользу его дѣйствовали Графъ Геннегау и Гентскій пивоваръ-Демагогъ, Яковъ Артевельде,—*Пицевъ* подъ предводительствомъ Римскаго Императора Людвига Баварскаго, *Наваррскаго Короля* Карла злаго,—*Папу* и *Герцоговъ Бургундскаго* и *Бретанскаго;* на сторонѣ втораго находимъ Карла Маркграфа и отца его, изъ которыхъ первый былъ тяжело раненъ, а послѣдній убитъ въ сраженіи при Кресси (26 Августа 1346 года) и Шотландскаго Короля Давида, который будучи возбужденъ и подкрѣпленъ Франціею, вторгнулся въ Англію, но супругою Эдуарда, Короле-

вою Филиппою, 17 Окт. 1346 г. пораженъ и взятъ былъ въ плѣнъ при Невильс-кроссѣ. Каждый изъ сихъ государей принималъ участіе въ этой войнѣ не для добычи и не для войны, но по чисто политическимъ расчетамъ. Въ дальнѣйшей войнѣ находимъ еще новыхъ участниковъ: Королей Кастильскаго и Аррагонскаго. Всѣ они какъ будто предчувствовали будущую непреоборимую силу Франціи и препятствовали самому ея зарожденію. Такимъ образомъ продолжительная война между Франціею и Англіею произвела важные результаты въ отношеніи политическихъ дѣйствій и плановъ не одной Франціи, но и всей Европы (37). Эти результаты рѣзко обнаружились въ дѣйствіяхъ Европы противъ Турокъ.

5) *Переселеніе Османскихъ Турковъ въ Европу.* Османское Царство есть одно изъ тѣхъ, которыя своимъ произхожденіемъ и въ послѣдствіи своимъ могуществомъ обязаны болѣе счастливому стеченію случайныхъ обстоятельствъ, нежели перевѣсу собственныхъ силъ надъ силами народовъ, среди которыхъ оно появилось. Оно произошло отъ 400 Османскихъ семействъ, поселившихся вокругъ подошвы Малоазійскаго *Олимпа* и начинаетъ свое самостоятельное существованіе съ 1299 года,

когда *Османъ*, сынъ Эртогрула, сына Сулейманова, получивъ отъ Иконійскаго Султана Алаеддина III титулъ *Бега*, приказалъ внести свое имя въ молитвенникъ (38). Чрезъ 60 лѣтъ владѣнія сего новаго царства простирались по большой части Малой Азіи и въ Европѣ отъ Чернаго моря до Демотики и Адріанополя. Такіе быстрые успѣхи и побѣды Османовъ въ обѣихъ, соприкосновенныхъ другъ къ другу частяхъ свѣта, произвели въ Западныхъ Государствахъ Европы сперва удивленіе, а потомъ и чувство опасенія, которое тѣмъ болѣе усиливалось въ нихъ, чѣмъ далѣе проникали Турки внутрь Европы. Но одни изъ государствъ ея были въ напряженномъ, другіе въ безсильномъ положеніи, такъ что ни одно изъ нихъ не въ состояніи было по одиначкѣ ни бороться съ побѣдоноснымъ врагомъ, ни остановить его. Оставаться въ бездѣйствіи также было невозможно: ибо опасность была велика и близка. Посему естественнымъ образомъ Государи Европейскіе дошли до мысли дѣйствовать противъ завоевателей совокупными силами. Виновникомъ перваго союза былъ Король Венгерскій Сигизмундъ. Онъ отправилъ отъ себя во Францію пословъ, которые, изобразивъ жестокость и варварство Османовъ противъ несчастныхъ

Христіанъ, привели Французскаго Короля Карла VI въ ужасъ и возбудили въ немъ и его подданныхъ, особенно въ Герцогѣ Бургундскомъ, Филиппѣ Смѣломъ, такое соучастіе къ войнѣ противъ выходцевъ Азіи, что Филиппъ Смѣлый отправилъ собственнаго своего сына, Герцога Іоанна Неустрашимаго, въ сопровожденіи многихъ Французовъ, въ числѣ которыхъ были Графъ Дела-Маршъ, Генрихъ и Филиппъ Беррійскіе Герцоги, всѣ три изъ королевскаго дому,—Графъ Д'Еи Коннетабль, Іоаннъ Віенскій—Адмиралъ Французскій, Маршалъ Бусико и многіе другіе съ рыцарями и наемными войсками. Сверхъ того къ союзу пристали рыцари Орденовъ Нѣмецкаго и Іоаннитскаго, подъ предводительствомъ своихъ Гросс-Мейстеровъ. Главнокомандующимъ былъ Король Сигизмундъ. Но союзники были разбиты и разсѣяны Турками при Никополисѣ въ 1396 г. Это пораженіе открыло вполнѣ могущество Османовъ (39). Посему спустя 50 лѣтъ составился второй союзъ. Онъ былъ еще сильнѣе перваго: ибо образовался при содѣйствіи самаго Папы Евгенія IV. Вообще союзныя предпріятія противъ Османовъ чаще всего совершались при участіи и отъ имени Римской Церкви, впрочемъ не потому, чтобы религіозность одна была главнымъ побуж-

деніемъ, а потому, что Римская Церковь была способнѣе всѣхъ Государствъ Христіанскихъ къ занятіямъ политическимъ. И теперь всѣ политическіе союзы составляются при посредствѣ такой Державы, которая имѣетъ больше вліянія на политику и дѣйствія прочихъ. Тогда долго такою Державою была *Р. Церковь*. Какъ скоро ослабѣвало ея могущество нравственное и политическое, тогда составленіе союзовъ политическихъ противъ Турокъ принималъ на себя сильнѣйшій изъ Свѣтскихъ Государей. Такъ первый союзъ противъ враговъ Христіанства составленъ былъ въ то время, когда большой расколъ лишилъ Церковь всякаго вліянія надъ умами народовъ, слѣдовательно совершенно безъ всякаго участія со стороны ея и не зависимо отъ нея. Но Папы со времени Евгенія IV снова пріобрѣли силу и вѣсъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніи и потому къ составленію втораго союза противъ Османовъ лучше и скорѣе всѣхъ государей могла побудить Европу Римская Церковь. Въ оном участвовали: Владиславъ, Король Польши и Венгріи,—Семиградскій Воевода Іоаннъ Гуніада, Италіянцы соединеннымъ флотомъ, Греки, Сербы, Болгары и даже Караманскій владѣтель. Хотя участь сихъ союзниковъ была еще плачевнѣе участи ихъ предшественниковъ (40);

впрочемъ система союзовъ политическихъ столько сдѣлалась обыкновенною, что противъ Турокъ, по утвержденіи ихъ въ Европѣ чрезъ завоеваніе Византіи въ 1453 г., Христіане не иначе дѣйствовали, какъ совокупными силами. Въ таковые союзы принимаемы были даже Магометанскіе Государи, враги Османовъ. Такъ Императоръ Трапезунтскій Калоіоаннъ, предугадывая, что Османы скоро предпримутъ походъ и противъ его Царства, заключилъ союзъ съ Туркоманскимъ Княземъ города Деарбека. Братъ Іоанна Давидъ вступилъ въ союзъ съ Княземъ Синопскимъ и Кавказскими Христіанами. Даже самъ Папа вступилъ въ эту Трапезунтскую Лигу. Западные Европейцы искали себѣ союзниковъ противъ Турокъ во всѣхъ извѣстныхъ имъ тогда государствахъ. Венеціанская республика отправляла Амвросія Контарини въ 1475 году къ владѣтелю Персіи Узун-Гассану съ предложеніемъ воевать общими силами противъ Магомета II. Контарини обратный путь въ свое отечество предпринялъ чрезъ Россію, чтобы Московскаго Великаго Князя Іоанна III убѣдить къ участію въ союзѣ Европейцевъ противъ Турокъ; но предусмотрительный и расчетливый нашъ Князь отпустилъ посла на родину съ отрицательнымъ отвѣтомъ, съ одними только богатыми дарами. Самъ Папа покушался нѣ-

сколько разъ вовлечь Московскаго Князя въ Европейскій союзъ противъ Османовъ. Даже предложеніе руки Греческой Царевны Софіи Іоанну III Папою столько же произходило въ слѣдствіе сей политики, сколько и по религіозному побужденію. Видя паденіе Константинополя, Папа трепеталъ за Римъ и, вступая въ связи съ Іоанномъ, надѣялся посредствомъ Софіи вооружить его противъ Турокъ. Предложеніе было принято, но брачный союзъ не доставилъ Папѣ никакихъ выгодъ. Іоаннъ объявилъ, что Россія не можетъ бороться съ Турками, и что она должна прежде всего свергнуть съ себя иго Монголовъ. Подобныя попытки завлечь Россію въ войну съ Турками въ соединеніи съ Западною Европою дѣлали и Нѣмецкіе Императоры. Герберштейнъ въ 1517, Францискъ де Колло и Антоній ди Конти въ 1518 г. пріѣзжали въ Москву къ Василію IV Іоанновичу, чтобы убѣдить его къ войнѣ съ Турками; но всѣ усилія ихъ были тщетны. Союзъ предполагаемый Папою Львомъ X противъ Турокъ былъ однимъ изъ таковыхъ, которые мы встрѣчаемъ въ новѣйшія времена. Главнымъ побужденіемъ къ составленію онаго были завоеваніе Сиріи и Египта Османами. Извѣстіе о семъ произвело величайшее безпокойство въ Европѣ, какъ будто бы эти земли

принадлежали Христіанскому Князю. Правда опасенія были не безъ причины, ибо Христіанскія Государства въ Султанѣ Мамелюковъ потеряли своего сильнѣйшаго союзника для борьбы съ Оттоманами. Основная мысль союза была та, чтобы общими силами всего Христіанства прекратить дальнѣйшіе успѣхи оружія невѣрныхъ варваровъ. Въ слѣдствіе сего Левъ X, съ согласія главныхъ Христіанскихъ Государствъ, начерталъ слѣдующій планъ для союзниковъ; Римскій Императоръ со всѣми силами Германіи, къ коимъ присоединятся также Польскія и Венгерскія войска, долженъ перейти Балканъ и прямо устремиться на Константинополь. Король Французскій съ своимъ войскомъ, съ Итальянцами и 16,000 Швейцарцевъ долженъ сѣсть на суда въ Бургундіи и плыть къ Геллеспонту, гдѣ съ нимъ должны соединиться флоты Испанскій, Португальскій и Англійскій, по соединеніи ихъ напередъ между собою въ гавани Карѳагенской. Папа самъ долженъ въ Анконѣ сѣсть на корабль и со всѣмъ Христіанскимъ воинствомъ плыть къ стѣнамъ Константинополя, какъ общему сборному мѣсту (41). Такой союзъ, хотя онъ и не приведенъ былъ въ исполненіе, ясно доказываетъ, что политическіе союзы не составляютъ исключительное достояніе но-

вѣйшихъ временъ, и что развитіе понятій о политической системѣ равновѣсія есть только продолженіе средневѣковаго. До какой степени развитія система союзовъ была доведена прежде трехъ послѣднихъ вѣковъ, это мы еще яснѣе можемъ видѣть изъ Италіянскихъ войнъ.

6) *Италіянскія войны.* Онѣ начаты Карломъ VIII 1494 г., а за окончаніе можно принимать двѣ эпохи: Нойонскій миръ въ 1516 г. и миръ къ Крепи 1544 г.; первый кончилъ оныя только по одному имени, потому что онѣ скоро послѣ открылись въ тѣхъ же мѣстахъ тѣмъ съ большею силою, что къ прежнимъ основнымъ причинамъ присоединилось еще личное соперничество между борющимися государями. Войны сіи, продолжавшіяся эпизодами, произвели удивительные перевороты и явленія въ политической жизни Европейскихъ націй: 1) онѣ не только довершили средневѣковое развитіе элементовъ и понятій политическихъ, но и распространили и утвердили оныя во всѣхъ западныхъ государствахъ Европы; 2) каждому изъ сихъ послѣднихъ онѣ сообщили такое политическое направленіе, которое съ того времени до XIX вѣка составляло основаніе, задачу и цѣль всей ихъ политической жизни. Во Франціи Италіянскія войны возобновили съ одной стороны *стремленіе къ*

внѣшнимъ завоеваніямъ, которое господствовало въ ней при Меровингахъ и Каролингахъ, и котораго она не оставляла съ XVI вѣка до настоящаго времени, а съ другой — возбудили *желаніе разстроить и ослабить могущество Испанско-Австрійскаго Габсбургскаго дома*, которое равнымъ образомъ она преслѣдовала въ теченіи всѣхъ прехъ послѣднихъ вѣковъ. Въ Испаніи онѣ родили *мысль присвоить* навсегда такое же *вліяніе надъ Сѣверною Италіею*, какое она имѣла надъ Южною и произвели такую непримиримую ненависть между Испанцами и Французами, что въ XVII вѣкѣ издано было даже особенное сочиненіе для объясненія оной современникамъ (42). Нынѣ эта взаимная вражда и ненависть хотя уменьшилась, но еще не совсѣмъ искоренилась; Австріи внушали *намѣреніе уничтожить Германское владѣтельное устройство* и по возможности сосредоточить въ рукахъ ея такую силу, чтобы быть повелительницею всего центра Европейскаго Континента, подъ предлогомъ противодѣйствія Туркамъ и Французамъ; Въ Англіи утвердили *направленіе принимать сторону слабаго противъ сильнаго* и тѣмъ уравновѣшивать силы державъ. Этому направленію Англичане въ теченіи новѣйшихъ вѣковъ тогда только измѣняли, когда государст-

вомъ правили страсти. Но болѣе всего на политическую жизнь самой Италіи войны сіи имѣли вліяніе. Въ слѣдствіе ихъ на всемъ Аппенинскомъ полуостровѣ навсегда *прекратилось національное стремленіе духа*: силы народовъ были истощены, характеръ ихъ сдѣлался склоннымъ болѣе къ оборотливости, хитрости и разнымъ увертикамъ, нежели къ твердости и истинному благоразумію; государственные интересы были забыты, а мѣсто ихъ заступили частныя выгоды, до такой степени усилившіяся, что въ теченіи всѣхъ новѣйшихъ вѣковъ мы всегда видимъ Италіянцевъ съ оружіемъ въ рукахъ и съ кинжаломъ подъ мантіею, но никогда на полѣ противъ общаго непріятеля. Такая политическая безжизненность произошла непосредственно изъ Италіянскихъ войнъ. Въ современной политической системѣ равновѣсія Европейскихъ Государствъ Италіянскія Государства такъ малозначущи, какъ будто они не существуютъ для оной. 3) Содѣйствовали къ повсемѣстному распространенію перемѣны, начатой Французами въ устройствѣ рати военной, и наконецъ 4) открывъ всей Европѣ, какую массу политическихъ силъ пріобрѣли Франція, Испанія, Австрія и Англія успѣхами пруда, торговли, просвѣщенія и гражданскаго уст-

ройства во время предъидущихъ вѣковъ, показали самые способы пропиводѣйствія политическому ихъ перевѣсу. Именно могущество сихъ Монархій возбудило съ одной стороны опасеніе и страхъ въ державахъ слабыхъ, а съ другой соревнованіе и взаимную зависть между державами равносильными: ибо кто могъ поручиться, что каждая могущественная нація будетъ смотрѣть на свою силу только какъ на вѣрный залогъ собственной самостоятельности: нѣкоторыя изъ сихъ націй могли злоупотребить своими силами: „Впрочемъ злоупотребленіе силы, „говоритъ Ансильонъ, не заставляло желать, „чтобы она не существовала и чтобы Ев„ропа снова впала въ состояніе безсилія и „варварства, въ которыхъ такъ долго по„милась: средство было бы хуже зла (43)“. Итакъ надобно было искать другихъ средствъ. Они уже были давно найдены въ Италіи и дѣйствительность ихъ извѣдана была на самомъ дѣлѣ, но только не были знакомы еще прочей Европѣ. Посредствомъ Италіянскихъ войнъ, во время которыхъ часто и весьма удачно пользовались ими, они приведены были во всеобщую извѣстность. Эти средства заключаются въ такъ называемой *политической системѣ равновѣсія* Европейскихъ Государствъ. Изъ самаго произхожденія системы равновѣсія можно видѣть ея цѣль.

Она состоитъ въ томъ, чтобы обезопасить и сохранить въ неприкосновенности самостоятельность, національность и государственный интересъ отъ посягательства на стѣсненіе ихъ со стороны другихъ сильнѣйшихъ націй. Уже эта самая цѣль доказываетъ, что къ концу среднихъ вѣковъ, при появленіи политической системы равновѣсія, элементы политической жизни націй были развиты, иначе бы такая система не могла родиться въ то время. Такимъ образомъ она составляетъ высшій результатъ развитія понятій политическихъ и столько была согласна съ духомъ времени, что составляла его потребность, необходимую для обезпеченія самостоятельности, національности и государственнаго интереса каждаго народа. Европейскія Государства поняли эту потребность и признали ее основаніемъ своихъ отношеній другъ къ другу. Но, какъ обыкновенно бываетъ при каждомъ первомъ опытѣ, основаніе новой системы было не совсѣмъ прочно: она не имѣла общихъ правилъ, необходимыхъ для руководства, при употребленіи ея. Такимъ образомъ отсюда произошла на первый разъ такого рода политика, которая при своихъ расчетахъ не брала въ уваженіе право или честь, а одну выгоду. Дать сей системѣ равновѣсія политическаго прочное основаніе, сооб-

разное съ ея достоинствомъ, найти общія правила для руководства ею и назначить опредѣленныя границы политической жизни націй составляло задачу новѣйшихъ временъ; но рѣшеніе ея было возможно и основывалось на условіяхъ того развитія, которое политическая жизнь получила въ теченіи среднихъ вѣковъ.

II. *Развитіе гражданскаго состоянія.* Никакое состояніе общественной жизни столько не занимало умы и вниманіе средневѣковыхъ Европейскихъ народовъ, какъ состояніе гражданское въ цѣломъ ихъ организмѣ и въ отдѣльныхъ составныхъ частяхъ. Всѣ силы духовныя и физическія устремлены были на это развитіе. Но чѣмъ усерднѣе старались съ одной стороны устроить свой гражданскій бытъ, каждый согласно съ своими притязаніями и выгодами; тѣмъ чаще вдавались въ крайности и вступали между собою въ оппозиціонные споры, оканчивавшіеся всегда борьбою и силою оружія; и чѣмъ разнообразнѣе были начала, притязавшія на политическую законность и первенство, тѣмъ затруднительнѣе было согласіе борющихся и продолжительнѣе неопредѣленность и измѣнчивость самыхъ устройствъ. Способъ и ходъ развитія послѣднихъ были болѣе или менѣе одинаковы во всѣхъ государствахъ, а оттого и самые результаты

и время появленія сихъ результатовъ были вездѣ также одинаковы: первоначально во всѣхъ Государствахъ Европейскихъ внутреннiе споры произходили преимущественно за общую форму государствъ, за устройство ихъ въ цѣломъ, именно: какую форму они должны имѣть: Аристократическую, Θеократическую, Демократическую или Монархическую, чтобы она выгодна была равно для всѣхъ сословій государства, но въ тоже время къ спорамъ за формы правленія присоединялись еще споры и борьба за устройство по частямъ, за то, изъ чего должно состоять государство, за устройство сословій, за права и привиллегіи самихъ его членовъ.

Выборъ общей формы для государствъ, устройства ихъ въ цѣломъ представлялъ многія затрудненія. Ибо при самомъ паденіи Западной Римской Имперіи, слѣдовательно, когда въ новыхъ народахъ была только одна еще темная идея объ основаніи государствъ, мы находимъ въ нихъ всѣ начала гражданской организаціи, всѣ формы общественной жизни. Уже тогда толпились и тѣснили себя взаимно элементы *Θеократіи, Аристократіи, Демократіи* и *Монархіи*, всѣ классы и всѣ состоянія. Всѣ эти элементы и начала, говоритъ Гизо, заключались тогда въ трехъ обществахъ: *Муниципальномъ*, послѣднемъ остаткѣ Западной Римской Им-

періи, *Христіанскомъ* и *варварскомъ*. Каждое изъ нихъ организовано было по своему, основывалось на совершенно противоположныхъ другимъ началахъ и такимъ образомъ внушало народамъ чувствованія совершенно различныя. Самые элементы Θеократіи, Демократіи, Аристократіи и Монархіи, заключавшіеся въ нихъ, имѣли такую силу и вѣсъ, что потомство затрудняется, который изъ нихъ былъ господствующимъ въ первоначальныхъ Европейскихъ обществахъ. Много писали и говорили о семъ предметѣ, но никто не убѣдилъ другихъ въ своемъ мнѣніи: одни утверждали, какъ напр. *Буланвильеръ*, что Аристократія была первоначальною формою Европейскихъ Государствъ, другіе доказывали, какъ то: *Аббатъ Дюбо*, что Монархическая форма была таковою, а третьи подобно *Аббату Мабли* присвоивали Демократіи первенство (44). Одинъ Гизо утверждаетъ, и справедливо, что каждое изъ сихъ устройствъ дѣйствительно хотѣло быть первымъ и притязало на политическую законность; но ни одному нельзя отдать перевѣса, а потому ни одно не было господствующимъ. И въ самомъ дѣлѣ, во всемъ замѣтно было одно броженіе и борьба безпрерывная, но безсвязная; ни въ чемъ не было ни опре-

дѣленности ни постоянства: ни въ государствахъ, ни въ ихъ устройствахъ, ни въ отношеніяхъ народныхъ классовъ. Изъ государствъ одни созидались вновь, другія спарыя или изчезали вовсе, или были угнѣтаемы; нѣкоторыя соединялись съ другими, а многія раздѣлялись на части. Устройства и учрежденія равно подвержены были такой же измѣнчивости: всѣ смѣшивались и смѣнялись однѣ другими. Въ классахъ народныхъ еще большій представлялся хаосъ: въ нихъ была совершенная смѣсь состояній, началъ, дѣйствій, племенъ и языковъ: народы перемѣщались, гнали другъ друга и блуждающая жизнь была повсемѣстною. Начало такого состоянія мы уже знаемъ, а окончаніемъ его можно принять то время, когда прекратилась переходная жизнь, слѣдовательно конецъ девятаго вѣка. (45). Съ этой эпохи намъ представляются другія явленія въ развитіи гражданскомъ: понятія, чувствованія и жизнь пріобрѣли стойкость и постоянство. Человѣкъ привязался къ мѣстамъ, имъ обитаемымъ, къ помѣстьямъ, составлявшимъ его богатство и силу. Все сдѣлалось осѣдлымъ, но мѣстнымъ. Люди соединились въ общества постоянныя, но разъединенныя, такъ что каждое изъ нихъ образовало изъ себя маленькое государство, сообразное

съ понятіями и мудростію людей того вѣка. Между сими обществами мало по малу утверждались опредѣленныя отношенія, водворилась связь и болѣе или менѣе законная власть, словомъ хаосъ элементовъ изчезъ и утвердилась *форма Феодальнаго Правленія*. Она непосредственно выпекаетъ изъ нѣдръ варварства и составляетъ первую опредѣленную и продолжительную форму устройства государствъ въ цѣломъ ихъ составѣ, первую организацію Европы. Вездѣ, гдѣ только перестало варварство, принята была форма феодальная. Самые даже противоположные сей системѣ элементы, какъ то: Церковь, Демократія и Монархія принуждены были примѣняться къ ней, хотя каждый изъ нихъ хранилъ свои начала и основанія (46).

Основаніемъ феодальной системы служилъ раздѣлъ завоеванныхъ земель между лицами, принимавшими участіе въ завоеваніи оныхъ. Раздѣлъ совершался по жребію и каждый воинъ смотрѣлъ на свой участокъ, какъ на добычу, которую онъ пріобрѣлъ собственною кровію и которою владѣлъ по своему произволу, какъ собственностію отъ него одного зависящею. Таковый участокъ назывался Аллодіальнымъ владѣніемъ, *allodium, (an Lot, Loos)* (47). Но какъ отъ оставшихся прежнихъ жителей,

а ,еще болѣе отъ нападенія другихъ варваровъ новымъ владѣльцамъ угрожала большая опасность, то при самомъ основаніи новыхъ поселеній каждый Аллодіальный владѣтель обязывался защищать съ оружіемъ въ рукахъ все общество, участвовавшее въ дѣлежѣ завоеваній. Впрочемъ эта защита вскорѣ оказалась недостаточною, а потому, кромѣ того, каждый менѣе сильный владѣлецъ нашелъ необходимымъ для себя имѣть какого нибудь могущественнаго защитника, чтобы не подвергаться грабежу и притѣсненіямъ. Но могущественнѣе королей не было первоначально никого: потому, что король предводитель получалъ больше добычи и земель, количествомъ которыхъ измѣрялась и самая сила. Такимъ образомъ, сверхъ первой обязанности защищать общество, Аллодіальные владѣльцы приняли на себя другую: защищать особу своего короля и помогать ему въ сохраненіи его собственности въ случаѣ нужды. Эти двѣ обязанности служили первымъ основаніемъ общественной жизни новыхъ народовъ и единственною связію недѣлимыхъ съ цѣлымъ государствомъ и королемъ. Короли изъ поступившихъ къ нимъ подъ защиту и покровительство образовали свои дружины, *comitatus*, которые сражались подъ ихъ знаменемъ и сопутствовали имъ

во всѣхъ предпріятіяхъ. Чѣмъ вѣрнѣе былъ *comes* и усерднѣе исполнялъ свою службу, тѣмъ болѣе получалъ отъ короля наградъ: послѣдній дарилъ своихъ сподвижниковъ новыми землями изъ собственнаго Аллодіальнаго участка. Такая награда, говоритъ Робертсонъ, „называлась *beneficium* потому, что была доб„ровольная; *honor* потому, что служила зна„комъ отличія и *feodum* или *feudum* потому, „что служила платою за службу (48).“ Жалованныя земли давались первоначально только на произвольное время, а потому мало удовлетворяли владѣльцевъ. Короли стали отдавать своимъ вассаламъ земли на цѣлую жизнь, а наконецъ волею или неволею должны были дарить оныя въ потомственное владѣніе сперва по прямой линіи, потомъ по боковой и наконецъ по женской. Такимъ образомъ коронные вассалы, присоединивъ къ своимъ Аллодамъ еще новыя жалованныя, или феодальныя владѣнія, присвоили себѣ такое могущество, что скоро вынудили у государей наслѣдственное производство въ самыя должности государственныя. Посему переворотъ въ собственности произвелъ совершенную перемѣну въ государственномъ правленіи. Вассалы изъ подчиненныхъ сдѣлались независимыми и стали притязать на права самодержавія. Они получили власть верховнаго гражданскаго и

уголовнаго суда, право чеканить монету и вести войну противъ личныхъ своихъ непріятелей отъ своего имени и своими силами (49). Понятія о феодальной подчиненности совершенно изчезли и система феодализма, которая казалось сперва весьма надежно могла содѣйствовать внѣшней безопасности и служить ручательствомъ внутренняго порядка и спокойствія, сдѣлалась источникомъ неустройствъ, насилій, самовластія и междоусобій. Права народныя были попраны: жизнь и собственность простолюдина сдѣлалась предметомъ произвола сильныхъ. Многіе вольные люди, имѣвшіе поземельную собственность, въ отчаяніи отрекались отъ свободы и поступали въ рабство или феодальныхъ владѣтелей, или духовенства для пріобрѣтенія безопасности и средствъ къ содержанію. Число рабовъ во всѣхъ государствахъ сдѣлалось несмѣтнымъ. Власть самихъ государей такъ была стѣснена, что они не могли ни покровительствовать невинному, ни карать преступника. Права и силы ихъ были раздѣлены между массою вассаловъ, и чтобы осуществить оныя, надобно было дѣйствовать съ согласія и помощію самихъ вассаловъ. Естественно такія отношенія, несообразныя съ цѣлію общественной жизни, не могли быть продолжительны, тѣмъ менѣе по-

стоянны. Они рано или поздо должны были измѣнишься и вся феодальная система уничтожишься навсегда. Она особенно была обременительна для двухъ другихъ элементовъ: монархическаго и демократическаго, почему и самаго противодѣйствія надобно было прежде всего ожидать со стороны сихъ двухъ. Но тотъ и другой такъ были сильно ослаблены феодализмомъ, что въ XI вѣкѣ монархическій существовалъ только по одному имени, а демократическій, какъ я уже замѣтилъ, самъ долженъ былъ искать своего спасенія и защиты у другихъ часто съ чрезвычайными пожертвованіями своихъ выгодъ. Итакъ ни одинъ изъ нихъ не могъ подчинить себѣ господствовавшую тогда феодальную форму и заступить ея мѣсто съ честію. Но чего не могли достигнуть ни монархія, ни демократія, того стала домогаться *Римская Церковь*.

Притязанія Римской Церкви на первенство въ западномъ Христіанскомъ мірѣ начинаются съ половины III вѣка. Основаніемъ оныхъ служили религіозныя и политическія обстоятельства, но выборъ средствъ къ пріобрѣтенію первенства, время и искуство употребленія оныхъ были дѣломъ расчета и проницательности самихъ представителей Римской Гіерархіи.

Впрочемъ Римскіе Епископы домогались этого первенства не вдругъ во всемъ, а постепенно по частямъ. Сперва старались пріобрѣсть оное *въ религіозномъ* отношеніи, а потомъ и *въ политическомъ*: сперва надъ Христіанскими церквами и ихъ представителями, а потомъ надъ свѣтскою верховною властію, надъ государствами. Основаніемъ на первенство между церквами для Римскихъ Епископовъ служили три случая: a) что Римъ былъ столицею обширнаго Римскаго Царства; b) что Церковь его болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовала къ распространенію Христіанскаго ученія; и c) наконецъ, что два Апостола были основателями его Церкви, а одинъ изъ нихъ, Св. Петръ, и остался первымъ ея Епископомъ. Еще во второмъ вѣкѣ образовалась мысль о превосходствѣ Св. Петра предъ прочими Апостолами. Онъ назывался *princeps Apostolorum et Petri cathedra ecclesia principalis*. Такое мнѣніе основывается на извѣстныхъ словахъ Іисуса Христа, Спасителя міра сему Апостолу: Матѳ. XVI. 17—19: „*Ты еси Петръ и на семъ камни созижду Церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ее. И дамъ тебѣ ключи Царствія Небеснаго и что свяжешь на земли, то будетъ связано на небеси; а что разрѣшишь на земли, то разрѣшено будетъ*

и на небеси." (50). Что присвоено было Св. Петру, то должно было принадлежать и его преемникамъ. Посему уже въ половинѣ III вѣка Стефанъ I называетъ себя *Episcopus Episcoporum.* Въ первой половинѣ IV вѣка *Юлій I* (336+352) утверждаетъ, что ничто въ церквахъ не можетъ происходить безъ вѣдома Римскаго Епископа; *Дамасій* (+384) называетъ Римскую Церковь главою всѣхъ церквей; *Бонифацій I*, въ началѣ V вѣка, требуетъ всеобщей покорности потому, что только чрезъ Петра открытъ путь къ Богу, а *Целестинъ I*, 422 г., выдаетъ себя за пастыря всея вселенныя. (51). Послѣдующіе Папы старались оправдать притязанія своихъ предшественниковъ самими дѣлами, такъ *Левъ I, Великій*, ходатайствовалъ предъ Аттилою за спасеніе Италіи и успѣлъ въ своемъ ходатайствѣ; *Анастасій II*, пользуясь уваженіемъ къ себѣ Ѳеодорика, получилъ отъ него управленіе Римомъ и былъ предъ нимъ и чрезъ него заступникомъ всѣхъ Каѳолическихъ и Западныхъ Церквей отъ притѣсненій Аріанизма. Таковые поступки сдѣлали притязанія Римскихъ Епископовъ на первенство въ церквахъ законными. Аббатъ *Діонисій*, такъ называемый *Exiguus*, въ 520 году прояснилъ и подтвердилъ оныя собраніемъ правилъ —

Декретовъ и писемъ Римскихъ Епископовъ. Декреты признаны были всѣми за каноническія опредѣленія, и такимъ образомъ когда престолъ Западныхъ Императоровъ палъ, престолъ Римскихъ Епископовъ окруженъ былъ славою и силою церковной власти. Достигнувъ первенства надъ Церквами, Папы стали стремиться къ независимости политической и къ первенству надъ властію свѣтскою. Разныя политическія и церковныя обстоятельства, которыми Папы всегда искусно умѣли пользоваться для своихъ выгодъ, облегчили трудъ и ускорили исполненіе плановъ и предначертаній Римскихъ Епископовъ. Начало къ пріобрѣтенію вліянія надъ свѣтскою властію положилъ *Феликсъ III* (483+492). Онъ называлъ Императора Зенона своимъ сыномъ, а преемникъ его *Гелазій I* уже сталъ доказывать превосходство духовной власти надъ свѣтскою и требовать повиновенія отъ Анастасія I Императора. *Пелагій II* началъ приписывать Римскому Епископу даже непогрѣшимительность. Преемникъ его *Григорій I, Великій*, теорію и притязанія своихъ предшественниковъ распространилъ въ большей части Запада Европы. Миссіонеры его, обращая варваровъ въ Христіанство, вмѣстѣ съ тѣмъ внушали нововѣрующимъ тѣ же понятія о Папѣ, какія

имѣла тогда Италія, видѣвшая въ Римскомъ Епископѣ главу Христіанства. Вообще Григорій I своими сочиненіями и своею дѣятельностію далъ Римской Церкви такое направленіе, которое вело его преемниковъ прямо къ ихъ цѣли и по которому они не могли не получить господства надъ народами, принявшими Римскую вѣру. И дѣйствительно въ половинѣ VIII вѣка Папы являются уже съ такою властію, что *Захарій* лишаетъ Меровинговъ короны и передаетъ оную Пипину, Палатному Меру изъ дому Каролинговъ; а преемникъ *Стефанъ II* получаетъ отъ Короля Пипина нѣсколько городовъ въ средней Италіи, которые были отняты Королемъ Франковъ у Лонгобардовъ и которые, какъ *Patrimonium Apostolorum principis*, служили основаніемъ Папскаго, независимаго государства. Карлъ Великій изъ рукъ *Льва III* Папы получаетъ Императорскую корону и въ благодарность увеличиваетъ его владѣнія. При сынѣ Карла Великаго Людвигѣ Набожномъ, политическое первенство Папъ и вліяніе ихъ на свѣтскую власть утверждено было окончательно въ 829 году появленіемъ *Лже-Исидоровскихъ Декреталій*, въ которыхъ доказано было актами 1), что Папа есть преемникъ и наслѣдникъ Св. Петра перваго изъ Апостоловъ, на которомъ, какъ на кам-

нѣ, нашъ Господь Іисусъ Христосъ основалъ свою Церковь, такъ что врата адовы не могутъ ее одолѣть. Слѣдовательно онъ есть намѣстникъ Христа и независимый глава всѣхъ Церквей; 2) что духовные не подлежатъ свѣтскому суду. Основываясь на этихъ декретахъ, Папа подчиняетъ самаго Императора своей власти, такъ, что Карлъ Лысый торжественно призналъ, что императорская корона дается *не по праву наслѣдства*, но *по волѣ Римской Церкви* (52). Эта воля съ сихъ поръ тѣмъ дѣлалась самовластнѣе, чѣмъ сила Королей и Императоровъ становилась слабѣе отъ преобладанія феодализма. Папы видѣли, что свѣтская верховная власть, по причинѣ раздѣленія своего между многими, не въ состояніи оспаривать ихъ господства и потому рѣшились совершенно сдѣлать ее отъ себя зависимою, дать всѣмъ Государствамъ Европы *теократическую форму* (53) правленія. Въ силу ея, всѣ народы должны составлять одно стадо, которое пасти предназначено Верховному Пастырю въ Римѣ. Основаніемъ ея было: *rex ejus eris, si recta facis, siautem non facis, non eris.* Рѣшеніемъ этой задачи особенно занимался Папа *Григорій VII Гильдебрандъ*. Власть его простиралась отъ Африки до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Сѣвера, отъ Атлантическаго оке-

ана до Россіи. Вездѣ въ сихъ земляхъ онъ управлялъ не одними дѣлами церкви, но и дѣлами государственными. Но онъ хотѣлъ быть неограниченнымъ властителемъ Европы въ религіозномъ и политическомъ отношеніи; впрочемъ въ исполненіи своего желанія, онъ встрѣтилъ сильныя препятствія со стороны Германскаго Императора. Побѣда надъ нимъ обѣщала ему побѣду надъ всѣмъ остальнымъ Христіанствомъ Западной Европы. Эта побѣда ему на время удалась: Генрихъ IV лишенъ короны и благословенія Церкви. То и другое *per auctoritatem apostolicam* передано было Рудольфу, Герцогу Швабскому. Григорій VII послалъ послѣднему корону съ надписью: *Petra dedit Petro, Petrus diadema Rudolfo*, которая ясно показываетъ, какое мѣсто думалъ Папа дать Нѣмецкой Имперіи въ своей системѣ (54). Чтобы имѣть возможность навсегда удержать за собою и защищать пріобрѣтенную власть, Григорій VII старался въ тоже время изъ Церковной области, владѣній Маркграфини Маргариты и изъ Ломбардіи образовать сильное, непосредственно отъ Папы зависящее Государство. Къ сему государству, въ качествѣ ленныхъ владѣній, должно было принадлежать Нормандское Королевство въ нижней Италіи, которое уже было Папскимъ ле-

номъ, и съ другой стороны, Германія, которая также должна была сдѣлаться таковымъ леномъ и которая при Рудольфѣ Швабскомъ слишкомъ недалеко была отъ этого отношенія. При такомъ могуществѣ онъ былъ въ состояніи приводить свои притязанія въ исполненіе силою, еслибы не захотѣли признать ихъ добровольно. Притязанія же онъ дѣлалъ на Испанію потому, что вся у Сарацинъ отнятая земля принадлежитъ Св. Петру; на Венгрію потому, что Императоръ Генрихъ III знамя его Царства прислалъ въ Римъ; на Россію потому, что изгнанный Русскій Князь Изяславъ I будтобы передалъ ее власти Папы; на Англію потому, что Вильгельмъ завоеватель получилъ отъ Папы право напасть на Англію, словомъ Папа имѣлъ притязанія на всѣ почти Западныя Государства. Вмѣстѣ съ симъ онъ требовалъ отъ всѣхъ Архіепископовъ и Епископовъ Католическаго духовенства ленной присяги. Господство надъ всѣмъ міромъ казалось неизбѣжно и надобно считать счастіемъ, что Папа встрѣтилъ столько сопротивленій и могъ привести въ исполненіе одну реформу Церкви, не имѣя возможности осуществить прочіе свои замысли. Западныя Европейскія Государства обязаны Генриху IV большою благодарностію, за то, что онъ спасъ Королевскую власть отъ униженія, которое

ей готовилъ Григорій VII и до котораго довелъ бы ее непремѣнно, еслибы только нашелъ врагу своему другаго соперника: ибо сила Папъ сама по себѣ казалась непреодолимою и, сверхъ того, на ихъ сторонѣ всегда были феодальные владѣльцы свѣтскіе и духовные. Послѣдніе были не менѣе первыхъ сильны. Они участвовали во всѣхъ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ и засѣдали въ верховныхъ законодательныхъ совѣтахъ. Посему побѣда для государей была почти не возможна: изъ трехъ борющихся болѣе или менѣе равныхъ силъ перевѣсъ всегда остается на сторонѣ двухъ противъ одной. Дѣйствительно монархическая власть долго еще была тѣснима властію и могуществомъ Римскихъ Епископовъ и многіе изъ государей пали отъ ихъ перуновъ. Но главная опасность миновалась: другаго Григорія VII не было. Духъ времени и обстоятельства, благопріятствовавшія притязаніямъ Римской Іерархіи на власть монархическую, стали въ слѣдствіе Крестовыхъ походовъ измѣняться и благопріятствовать интересамъ монархической власти. Самый перевѣсъ папства и феодализма надъ послѣднею пробудилъ въ государяхъ такое соревнованіе, что послѣдніе съ XII вѣка рѣшились всѣ какъ бы за одно, со всею энергію, дѣйство-

вать противъ того и другаго, требуя, чтобы *Кесарева воздано было Кесарю* (55). Но прежде нежели монархическое начало пріобрѣло перевѣсъ надъ ними, должно было испытать всю силу четвертаго элемента *Демократическаго* и дѣйствовать подъ его вліяніемъ въ теченіи долгаго времени.

Колыбелію и средоточіемъ сего начала были *города*. Съ растройствомъ и упадкомъ ихъ отъ паденія Западной Римской Имперіи и самой демократизмъ ослабѣлъ и остался отъ изнеможенія своихъ силъ въ бездѣйствіи до самаго десятаго вѣка. Хотя въ эту бѣдственную для него годину онъ сохранилъ всѣ элементы свободной жизни: въ городахъ были народныя собранія на площадяхъ, Сенатъ, Муниципальные Магистраты и пр.; но со стороны сильныхъ Бароновъ безпрестанно подвергался притѣсненіямъ, насиліямъ и грабежамъ, которые влечетъ за собою слабость. По причинѣ господствовавшаго самоуправства между народами, гибельныя послѣдствія слабости время отъ времени увеличивались и наконецъ до того простерлись, что казалось демократизмъ совершенно будетъ подавленъ феодализмомъ и сдѣлается навсегда рабомъ послѣдняго. Феодальные владѣльцы, захва-

тивъ въ свои руки сперва предмѣстія городовъ, а потомъ и самые города, строили тамъ свои замки, чтобы удобнѣе повелѣвать гражданами и распоряжаться ихъ собственностію. Но всему на землѣ есть конецъ: самое зло не можетъ быть безпредѣльно. Въ то самое время, когда феодализмъ достигъ полной своей организаціи, а Гіерархія политическаго могущества, въ положеніи городовъ началась перемѣна: ихъ число, внутренняя сила и политическое значеніе стали быстро возрастать.

Новоевропейскіе народы до IX вѣка имѣли весьма мало собственныхъ городовъ: ибо они городскую жизнь почитали рабствомъ для себя. Посему довольствовались городами, принадлежавшими нѣкогда Римской Имперіи. По догадкамъ Конрингія въ Германіи отъ р. Рейна до береговъ Балтійскаго моря едвали былъ одинъ городъ до IX вѣка. Но въ IX опустошительные набѣги Норманновъ, особенно на Западную Европу, поселеніе Манджаровъ въ сосѣдствѣ съ Германіею и Славянъ въ Сѣверовосточной Европѣ, могущество Аравитянъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, преобладаніе феодальной системы, основаніе Архіепископствъ и Епископствъ и вообще улучшеніе по части внутренняго устройства сосредоточивали большія массы людей въ

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоялъ уже какой нибудь замокъ, построенный Королемъ, Васаломъ, или Епископомъ для своего мѣстопребыванія (56). Заселенное мѣсто сперва для безопасности отъ насилія грабителей окружаемо было стѣнами и потомъ получало нѣкоторый родъ гражданскаго устройства съ именемъ города, *Urbs*. Въ теченіи IX и X вѣка такихъ городовъ появилось множество на всемъ пространствѣ отъ Волги до Атланта. Ясно, что сіи такъ называемыя *Urbes* мало походили на города новѣйшихъ временъ; но тѣмъ не менѣе они скоро пріобрѣли внутреннюю силу и были колыбелію гражданскаго развитія народовъ. Къ этому исключительно содѣйствовало образованіе городовъ въ общины. *Общиною* назывался тѣсный союзъ жителей одного города между собою для взаимнаго вспоможенія и защиты, управляемый, какъ отдѣльное цѣлое гражданское общество, *на основаніи Государевой грамоты* законами составленными и принятыми по общему согласію членовъ общины между собою (57). Частныя названія общинъ *conjuratio*, *amicitia*, *confoederatio*, *confraternitas*, *libertas*, *communia* ясно показываютъ ихъ сущность.—Въ первый разъ такія общины появились *въ Ломбардскихъ городахъ*. Поводомъ къ образованію ихъ

было самоуправство и насилія производимыя со стороны сильныхъ Феодальныхъ Бароновъ городамъ, которыхъ покровителями они считались. Это своеволіе дворянъ тѣмъ несноснѣе казалось Италіянцамъ, чѣмъ живѣе въ ихъ памяти сохранились преданія о Муниципальномъ правѣ древнихъ городовъ ихъ родины. Но подавляемыя могуществомъ Германскихъ Королей, онѣ до XI вѣка не могли удовлетворить своему желанію. Наконецъ во время споровъ за Инвеституру, Италіянскіе города въ слѣдствіе долговременнаго отсутствія Императоровъ нашли возможность пріобрѣсти нѣкоторую самостоятельность и познакомиться съ свободою, а посредствомъ дѣятельной торговли, особенно распространившейся съ открытіемъ Крестовыхъ походовъ, собрать значительныя сокровища. Съ случайно доставшимися льготами Италіянскіе города уже не хотѣли болѣе разставаться и для удержанія ихъ за собою стали соединяться между собою тѣснѣе и составлять общины. Первымъ дѣломъ общинъ было возстаніе ихъ противъ безпокойныхъ сосѣдей. Отнимая у нихъ земли, онѣ значительно усиливались и стали нападать даже на тѣхъ Бароновъ, которые жили отъ нихъ далеко. Прежніе повелители городовъ должны были вступать въ

общину и, присягая въ вѣрности ея начальству, принимать на себя всѣ повинности и налоги ея и жить въ городѣ каждый годъ извѣстное время. Наконецъ и самые Императоры должны были признать ихъ вольность, такъ, что при Фридрихѣ I Ломбардскіе города не только были свободны и управлялись своимъ начальствомъ, но едвали былъ хотя одинъ Баронъ, который бы не смотря на свое могущество не былъ подчиненъ городскимъ законамъ и правленію ([58]).

Учрежденіе общинъ скоро распространилось по всей Европѣ: изъ Италіи онѣ перешли во Францію, Германію, Испанію, Англію, и во всѣ феодальныя владѣнія такъ, что до окончанія Крестовыхъ походовъ находимъ оныя во всемъ Римско-Германскомъ мірѣ, и отчасти въ Славянскомъ. Всѣ онѣ болѣе или менѣе имѣли одинаковое устройство и управленіе: каждая община имѣла свое вѣче, свои собственныя войска и магистраты, свою казну, печать и своихъ чиновниковъ; но произхожденіе и бытъ ихъ чрезвычайно были разнообразны. Италіянскія общины обязаны своимъ началомъ самимъ себѣ, дружному возстанію ихъ противъ Бароновъ; образованіе Французскихъ общинъ приписываютъ полити-

кѣ и посредничеству Королей между Баронами и городами; многія конечно произошли изъ необходимости самозащищенія; Англійскія образовались по образцу Французскихъ, но при посредничествѣ аристократіи и не по поводу самозащищенія, а по стремленію къ свободѣ противъ воли своихъ Государей. Наконецъ въ Германіи общины начались и размножились отъ расположенія къ нимъ и милости Императоровъ, которые частію за услуги, а частію, чтобы имѣть отъ нихъ подпору противъ Бароновъ, давали имперскимъ городамъ льготы и права общинныя, такъ Генрихъ V далъ *Вормсу* и *Кельну*, а Фридрихъ I *Шпейеру* грамоты на свободу. Большая часть городовъ Рейнскихъ и Французскихъ образились въ общины подобнымъ образомъ. Различный способъ произхожденія общинъ въ каждомъ государствѣ производилъ различіе въ самой ихъ дѣятельности: Италіянскія общины занимались исключительно своею внутреннею организаціею, улучшеніями жизни общественной и развитіемъ образованности промышленной и умственной; Германскія—ссорами съ феодальными владѣльцами за интересы Императоровъ и собственную безопасность, равно и Французскія—борьбою съ Баронами, обезпеченіемъ своей собственности и защитою

королевскихъ и своихъ правъ отъ посягательства дворянъ; Англійскія — при содѣйствіи аристократіи и часто въ союзѣ съ нею, распространеніемъ своихъ правъ на счетъ королевской власти, опредѣленіемъ отношеній Короля къ государству и обратно. Дѣйствуя всегда дружно и самостоятельно, съ успѣхомъ въ своихъ предпріятіяхъ, общины столькоже пріобрѣтали силы и уваженія въ глазахъ народа, сколько дворяне падали. Прежде въ смутныя времена замокъ былъ единственнымъ мѣстомъ, куда сходились для безопасности; теперь между тѣмъ каждый обширный городъ доставлялъ убѣжище несравненно болѣе удобное и надежное. Такимъ образомъ низшее сословіе въ общинахъ видѣло зарю будущей своей свободы и благоденствія, а высшее роковой бичь для своей силы и власти. Оттого онѣ послѣднему были ненавистны. Гибертъ, Ножантскій Аббатъ называетъ ихъ *проклятымъ учрежденіемъ* (59). Но непріязнь дворянства не остановила распространенія и возвышенія общинъ; онѣ были подъ защитою Королей, которыхъ могущество съ уменьшеніемъ власти дворянства и народной къ нему довѣренности значительно увеличилось; но такъ какъ сами Короли имѣли въ общинахъ крѣпкую подпору своему правленію;

то между ними образовался союзъ взаимнаго вспоможенія, весьма важный послѣдствіями. — Покровительство Королей для городовъ придавало возстаніямъ общинъ противъ феодальныхъ владѣльцевъ прочность и политическую силу; въ благодарность за это покровительство члены общинъ, получивъ позволеніе носить оружіе и познакомившись съ военнымъ искусствомъ, доставляли Государямъ въ полное ихъ распоряженіе войска, не зависѣвшія отъ сильныхъ Вассаловъ. Не имѣя общинныхъ войскъ, Короли должны были ожидать ратниковъ отъ своихъ Вассаловъ, которые были постоянными завистниками и нерѣдко противниками самодержавія. Почему чѣмъ самостоятельнѣе и независимѣе дѣлались Короли посредствомъ общинныхъ пособій, тѣмъ важнѣе были оныя для нихъ и тѣмъ значительнѣе услуга; а чѣмъ важнѣе услуга, тѣмъ охотнѣе Государи заботились о возвышеніи общинъ. Доставивъ имъ личную свободу и общинное судопроизводство, они рѣшились дать имъ полное *политическое значеніе*, доставить имъ также свободу гражданскую, участіе въ государственномъ правленіи.

Это тѣмъ легче было сдѣлать, что и въ феодальной системѣ признавалось ос-

новнымъ правиломъ управлять свободнымъ человѣкомъ и налагать на него подати только съ собственнаго его согласія. Посему если Феодальный Баронъ или Король какого нибудь Государства хотѣлъ ввести новый законъ, или наложить новую подать въ собственныхъ владѣніяхъ, то каждый изъ нихъ созывалъ всѣхъ свободныхъ людей, которые непосредственно отъ нихъ зависѣли, къ себѣ на совѣтъ, называвшійся при Корольхъ *Парламентомъ*, *Сеймомъ*, *собраніемъ Государственныхъ Чиновъ* или *Кортесовъ* (60). Но свободными до появленія общинъ почитались только *Вассалы* и *Духовенство;* съ образованіемъ общинъ сдѣлались свободными также *жители городовъ*. Посему и они имѣли теперь право на участіе въ верховномъ совѣщаніи: потому что существенное право гражданской свободы состоитъ въ правѣ подавать голосъ при составленіи законовъ и налогѣ податей. Общины дѣйствительно стали притязать на это право: внутренняя сила и единодушіе ихъ дали вѣсъ ихъ требованіямъ, а стеченіе обстоятельствъ благопріятныхъ въ однихъ государствахъ и покровительство Королей въ другихъ облегчили пріобрѣтеніе онаго. Испанскія общины первыя получили право отправлять Депутатовъ въ законодательное собраніе

Кортесовъ. По крайней мѣрѣ Зурита говоритъ, что еще въ 1118 году Сарагосцы пользовались гражданскою свободою; а по общей Испанской хроникѣ Депутаты городовъ Кастиліи составляли часть собранія Кортесовъ въ 1169 году. Напротивъ съ 1188 года права гражданской свободы навсегда утверждены были за городами Альфонсомъ IX въ первый годъ его правленія, и въ собраніи Кортесовъ Кастиліи 1315 года было 192 депутата отъ 90 городовъ. Наконецъ нѣкоторые Кортесы, какъ напр. въ 1370 и 1373 году, состояли изъ однихъ только городовъ. Потомъ права гражданской свободы получили Италіянскіе союзные города въ слѣдствіе Констанцскаго договора, который кончилъ въ 1183 году продолжительную между ними и Императоромъ Фидрихомъ I войну. Третье государство, въ которомъ Депутаты городовъ были допущены въ Государственный Совѣтъ, раньше другихъ была Англія. Общины Англійскія обязаны гражданскою свободою спорамъ Бароновъ съ Королями. Симонъ Монфортъ, Графъ Лейчестерскій, глава оппозиціонной партіи противъ Короля Генриха III, взялъ послѣдняго въ битвѣ при Левесѣ къ себѣ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ братомъ и сыномъ и, захвативъ въ свои руки всю верховную власть, заставилъ слабаго Короля въ 1265

году подписать Оксфордскую конституцію, совершенно измѣнившую устройство и управленіе Англіи и грамотою утвердить за городами право участія въ законодательныхъ собраніяхъ. Во Франціи города пріобрѣли право гражданской свободы, по мнѣнію Буляивильера, довольно рано: on voit, говоритъ онъ: deja les gens de bonnes villes assister aux états de 1145 г. ([61]); впрочемъ эти слова, не имѣя авторитета, доказываютъ только, что въ 1145 году всѣ три сословія засѣдали въ собраніи; но по какому праву и на какомъ основаніи участвовало сословіе гражданъ, этого невидно. Законность гражданской свободы городскихъ жителей во Франціи начинается собственно съ Филиппа IV Красиваго. Онъ, по поводу споровъ своихъ съ Папою Бонифаціемъ VIII, самъ безъ настойчиваго домогательства со стороны общинъ причислилъ представителей общинныхъ городовъ къ чинамъ государственнымъ, въ званіе которыхъ въ первый разъ приглашены были на Парижскій Сеймъ въ Апрѣлѣ 1303 года. Наконецъ въ Германіи всѣ имперскіе города мало по малу, почти не замѣтно для самой Исторіи, пріобрѣли въ промежутокъ времени отъ Рудольфа Габсбургскаго до Фридерика III права, равныя Курфирстамъ и Князьямъ. Рудольфъ Габсбургскій въ 1291 году долженъ

былъ присягать „Владѣтельнымъ Князьямъ, Дворянству и городамъ“. Въ 1293 году города требовали для своихъ представителей отдѣльной скамьи на Сеймѣ и были удовлетворены. Во время правленія Императора Генриха VII утверждено было закономъ, что Имперскій Сеймъ долженъ всегда впредь состоять изъ трехъ сословій: Курфирстовъ, Князей и Депутатовъ городскихъ (62).

По пріобрѣтеніи гражданской свободы, города скоро пріобрѣли сильное вліяніе на всѣ политическія и гражданскія отношенія государствъ, къ которымъ они принадлежали. Ихъ господство въ такой же степени увеличивалось, въ какой власть феодальной системы и гіерархіи ослабѣвала. Въ Англіи въ правленіе Генриха VI, Нижній Парламентъ стремился подчинить своей власти не только націю, но и самаго Короля. И дѣйствительно своею энергіею достигъ того, что онъ признанъ былъ отъ Короля и народа *учрежденіемъ, имѣющимъ право ограничивать власть Короля*, право, за которое между Карломъ I Стюартомъ и націею произошла борьба, кончившаяся казнію Короля на эшафотѣ. Во Франціи въ правленіе Іоанна Добраго, среднее сословіе почиталось во всѣхъ отношеніяхъ равнымъ каждому изъ двухъ прочихъ сословій. Приморскіе города Южной Франціи иногда заключали отдѣльные союзы съ ино-

странными государствами, напр. *Монпелье съ Генуею* въ XIII вѣкѣ. *Авиньонъ, Арлесъ* и *Марселль* пытались даже по образцу Итальянскихъ городовъ образовать изъ себя независимыя республики (63). Города Фландріи вели переговоры съ Эдуардомъ III безъ вѣдома своего Короля. По взятіи Короля Іоанна въ плѣнъ Англичанами, во Франціи сословіе гражданъ было господствующимъ. Глава ихъ *Этьень Марсель Prevôt des Marchands* управлялъ всѣмъ Парижемъ, объявилъ себя союзникомъ и покровителемъ Карла Наварскаго, врага Дофинова, казнилъ самовластно въ глазахъ Дофина двухъ его приверженцевъ, Маршаловъ Шампанскаго и Нормандскаго. Самъ Дофинъ, Регентъ Государства, тѣмъ только спасалъ свою безопасность отъ самовластія гражданъ, что носилъ знаки съ цвѣтами его партіи и съ своими придворными ходилъ въ красныхъ и голубыхъ фуражкахъ (*) Въ Германіи города Рейнскаго и Ганзейскаго союзовъ образовали изъ себя отдѣльныя отъ Государства Корпораціи и не признавали надъ собою никакой власти, кромѣ власти собственныхъ своихъ магистратовъ. Такое господство демократизма продолжалось до XV вѣка. Оно, уничтоживъ самостоятель-

(*) Сравн. съ симъ Парижскія произшествія 20 Іюня 1792 г. и то, что Людвигъ XVI потерпѣлъ въ этотъ день.

ность феодализма и подорвавъ власть гіерархіи, очевидно и монархическому элементу грозило опасностію. Но короли были уже въ то время сильны и по владѣніямъ и по правамъ. Распространивъ тѣ и другія посредствомъ своей мудрой политики на счетъ городовъ и дворянства, встрѣтили послѣднюю грозу для себя съ твердостію и уничтожили ее силою и благоразумными мѣрами при содѣйствіи политическихъ событій. Такими событіями были во Франціи столѣтняя война съ Англіею, а въ Англіи внутренняя война между бѣлою и алою розою. Во время той и другой, города были истощены, опустошены и бѣдствіями войны приведены въ упадокъ. Въ Испаніи города склонны были къ недѣятельности, а дѣятельные удерживаемы были въ повиновеніи ужасами *Королевской Инквизиціи*; Въ Германіи *введеніе областнаго міра* и политическая сила Императорскаго Габсбургскаго дома прекратили своеволіе городовъ.

Съ ограниченіемъ республиканизма въ концѣ XV вѣка, средневѣковая борьба народовъ за формы общественныхъ организацій кончилась. Побѣда осталась на сторонѣ *Монархической* власти. Всѣ отдали послѣдней преимущество предъ прочими формами устройствъ не по безсилію своему,

но по внутреннему убѣжденію въ совершенствѣ ея (64). Это убѣжденіе предковъ перешло въ самое отдаленнѣйшее ихъ потомство, въ насъ самихъ. Всѣ образованнѣйшія и могущественнѣйшія государства настоящаго времени имѣютъ форму правленія монархическую. Она есть *краеугольный камень благоденствія и силы народовъ.* Ибо въ ней всѣ частные интересы изчезаютъ, а общее дѣлается задачею развитія. Всѣ разнородные элементы общества гражданскаго сливаются въ ней, какъ въ фокусѣ лучи свѣта въ единое цѣлое. Единство есть ея сущность, а стремленіе къ нему есть вообще стремленіе къ совершенству. Оттого ни одна изъ организацій общественныхъ не содѣйствуетъ столько внутреннему и внѣшнему совершенствованію гражданскихъ обществъ, какъ организація монархическая. Но кто не согласится, что она досталась намъ отъ средневѣковыхъ народовъ. Они, взаимною многовѣковою борьбою за совершенства и противъ недостатковъ ея, первые дали ей основное развитіе въ духѣ нашего времени, и доставивъ перевѣсъ надъ прочими формами, упрочили самое существованіе ея до настоящаго времени. Она есть завѣтная ихъ идея и таковою же остается для насъ, ихъ потомковъ. Впрочемъ сред-

ніе вѣка имѣютъ для насъ значеніе не по одному развитію формы монархической и другихъ формъ государственнаго устройства. Самое господство всѣхъ этихъ формъ, во время среднихъ вѣковъ, имѣетъ на современный нашъ вѣкъ столь ощутительное разностороннее вліяніе, что на какую бы отрасль современной общественной жизни мы ни обратили свое вниманіе, вездѣ видимъ слѣды онаго, вездѣ находимъ оттѣнки того или другаго средневѣковаго состоянія нашихъ предковъ. Какая напр. изъ теперешнихъ Европейскихъ націй не испытываетъ на себѣ вліяніе феодализма. Особенно это вліяніе мы замѣчаемъ 1) *Въ отношеніи нашего Дворянства.* Въ феодализмѣ заключается зародышъ послѣдняго и начало тѣхъ отношеній, которыя оно продолжаетъ еще теперь имѣть къ государству и между собою. Многіе изъ современныхъ намъ дворянъ пользуются въ нѣкоторыхъ государствахъ такими правами и привиллегіями, которыя могли родиться только во время господства феодализма въ средніе вѣка. Далѣе повсюду въ Европѣ мы находимъ множество дворянскихъ фамилій, которыя или по преданію, или по актамъ ведутъ родъ свой отъ средневѣковыхъ Бароновъ и Вассаловъ и гордятся развалинами ихъ замковъ, титулами и гербами (65).

2) *Въ отношеніи настоящаго воинскаго быта.* Въ привычкахъ, пріемахъ, обрядахъ, и повѣрьяхъ рашныхъ людей, при всемъ различіи современной воинской дисциплины отъ феодальной, встрѣчаемъ столько сходства съ бывшими во время рыцарства, что по всей справедливости можемъ считать ихъ наслѣдіемъ временъ давноминувшихъ (*). Многія воинскія названія и теперь имѣютъ такое же значеніе, какое имѣли во время рыцарства. Самыя отношенія между высшимъ и низшимъ командиромъ, между начальникомъ и подчиненнымъ точно такія же, какія были между *Bannerets* и *Bachelors*. Какъ тогда недостойнаго офицера лишали званія и чести переломаніемъ меча надъ его головою, такъ и теперь слѣдуютъ тому же обряду (**).

(*) Напр. Обыкновеніе носить офицерамъ шпаги или сабли на поясѣ подлѣ бока, а солдатамъ чрезъ плечо на ремнѣ не есть ли остатокъ обычая рыцарей, которое одни имѣли право носить мечь на поясѣ, а всѣ прочіе отъ ихъ оруженосцевъ до простыхъ рядовыхъ чрезъ плечо; далѣе употребленіе шпоръ, латъ, касокъ, ботфортовъ и пр. также не напоминаетъ ли намъ рыцарскія времена. Все это не есть наслѣдіе древнихъ, которыхъ оружіе и одежда были отличны отъ средневѣковыхъ. Оружіе древнихъ было двоякаго рода: ad petendum, et ad tegendum. Illa tela proprie et haec arma. Одежда воинская состояла изъ sagum, poenula, laena, pileus ex pellibus, quos Panonicos vocabant; Ioh. Anton. Valtrinus de re milit. veter. Roman. lib. III, cap. 13 et sequ.—Traité des armes, des Machines de guerre, des feux d'Artifice, des enseignes et des instruments militaires, ann. 1677 Parisiis.

(**) Чтобы увѣриться въ сходствѣ нынѣшняго военнаго быта съ средневѣковымъ, надобно прочитать только Исторію Фроассара и Mémoires sur la chevalerie de Sainte Palaye.

Вообще новыя обыкновенія, говоритъ Робертсонъ, не всегда должно приписывать силѣ законовъ: послѣдніе во многихъ случаяхъ единственно освящаютъ то, что опытность человѣческая уже давно нашла удобнымъ и благопріятнымъ (66).

3) *Въ отношеніи значенія женскаго пола* къ гражданскому обществу и къ семейству. Въ древнемъ мірѣ достоинство и значеніе женщинъ въ семействѣ и вообще въ жизни были слишкомъ малозначущи. Ихъ жизнь цвѣла и увядала въ уединенныхъ затворахъ. Мужья не давали имъ никакого участія въ своихъ собраніяхъ, потому что безъ нужды, для одного удовольствія, выходить изъ уединенія вмѣнялось женѣ въ безчестіе. Каждая изъ нихъ въ отношеніи къ своему мужу была болѣе рабынею, нежели подругою и сотрудницею. Но въ средневѣковомъ Германскомъ мірѣ такія отношенія между мужескимъ и женскимъ полами стали мало помалу уничтожаться: женщина получила вѣсъ въ обществѣ и въ семействѣ. Такая перемѣна въ отношеніяхъ обоихъ половъ произведена была отчасти самою вѣрою Христіанскою, по ученію которой жены суть сонаслѣдницы мужей въ жизни благодатной, должны быть чествуемы (1 Посл. Ап. Петра III, 7), отчасти

обстоятельствами, которыя доставляли женамъ случай во время переходной жизни Германцевъ дѣлить съ ними горе и радости, труды и праздность, потери и пріобрѣтенія; наконецъ еще болѣе водвореніемъ феодальной системы въ Западной Европѣ. Живя въ уединенномъ замкѣ своемъ среди опасностей и враговъ, Вассалъ долженъ былъ искать себѣ развлеченія и ушѣхъ въ одномъ своемъ семействѣ, въ женѣ и дѣтяхъ. Они составляли постоянное его общество. Жена участвовала во всѣхъ интересахъ, опасностяхъ и самой судьбѣ своего мужа. Во время отсутствія заступала всѣ права его и обязана была сберегать и защищать замокъ отъ враговъ. Семейная власть и личность ея въ общемъ мнѣніи непримѣтно возрастали такъ, что въ образовавшейся системѣ рыцарства феодальнаго женщина является уже первостепеннымъ лицомъ. Въ девизѣ рыцарей были только имена: *Dieu et Madame*, или *Dieu, ton roy et Madame*. Любовь и уваженіе къ ней почитались источникомъ всего прекраснаго, благороднаго и великаго. Храбрость и любовь къ женщинѣ такъ тѣсно соединялись въ рыцарѣ, что одна безъ другой была невозможна: каждый храбрый рыцарь непремѣнно былъ влюбленный и кто чѣмъ былъ храбрѣе, тотъ тѣмъ бо-

лѣе обожалъ свою даму и на оборотъ. Итакъ во время феодализма рыцарскаго состояніе женщины такъ было возвышено, что угожданіе ей образованные кавалеры считали себѣ за честь и вниманіе ея тріумфомъ для себя. Но этого вниманія и нѣмъ менѣе любви со стороны ея никто не могъ заслужить, кто не былъ *courtois et galant*, кто не имѣлъ въ себѣ ни *courtoisie*, ни *galanterie*, которыя пріобрѣтались воспитаніемъ и безпрерывною угодливостію дамамъ. Не тотъ же ли рыцарскій духъ господствуетъ и теперь въ отношеніяхъ мущинъ къ дамамъ? Ласковое слово и дружеская улыбка прекрасной дамы и теперь производитъ такія же чудеса, какія совершались во времена рыцарства феодальнаго.—Наконецъ

4) *Въ отношеніи даже самаго судопроизводства и законовъ.* Въ однѣхъ странахъ судопроизводство и законы еще большею частію феодальные, какъ напр. въ Великобританіи. Здѣсь законъ расточаетъ по старому обычаю и смертную казнь за преступленія, которыя часто должны влечь за собою одно наказаніе исправительное. Изъ одного Англійскаго сочиненія *Statistical illustration* видно, что многія изъ преступленій совершенныхъ въ

Англіи, напр. воровство, нарушеніе законовъ объ охотѣ, уводъ скота, лошадей судятся уголовнымъ судомъ феодальныхъ временъ, тогда, какъ въ другихъ государствахъ приговоры надъ оными принадлежатъ исправительнымъ судамъ. Въ другихъ странахъ, какъ по: въ Италіи, Германіи, Нидерландахъ многіе обряды и обыкновенія судебныя, освященныя временемъ и утвержденныя законами, произошли отъ феодальнаго права, и понять ихъ невозможно, не зная началъ ему свойственныхъ.—Во Французскомъ законодательствѣ еще до сихъ поръ, говоритъ Робертсонъ, имѣютъ силу *droit d'Aubaigne*, по которому во время феодализма иностранецъ не могъ дѣлать завѣщанія на случай смерти, а все недвижимое и движимое его имѣніе бралось на Государя и Барона мимо законныхъ наслѣдниковъ (67). Въ Германіи *Имперская Камера* обязана своимъ началомъ самоуправству феодальному. Она учреждена была для рѣшенія споровъ между различными членами Германіи съ верховнымъ правомъ рѣшать окончательно всякія дѣла въ нее поступавшія. Она существуетъ и теперь и есть важное судилище для Германіи, которое завѣдываетъ всѣми гражданскими дѣлами Имперскихъ чиновъ и имѣетъ право судить преступленія, нарушающія общест-

венное спокойствіе. *Св. Германдада* въ Испаніи также остатокъ феодальныхъ учрежденій. Она основана была для обузданія своеволій и самоуправства, господствовавшихъ во всѣхъ Испанскихъ областяхъ въ слѣдствіе феодальнаго духа дворянъ. Власть сія простиралась только на преступленія, нарушавшія общественное спокойствіе; но это судилище нашли столько полезнымъ для сохраненія мира, пресѣченія и опкрытія преступленій, что оно еще и теперь существуетъ въ Испаніи, хотя уже ненужно болѣе ни для обузданія аристократіи, ни для распространенія самодержавія (68). Словомъ при всѣхъ измѣненіяхъ совершеннаго устройства судовъ и самаго судопроизводства, многое здѣсь напоминаютъ и проясняютъ феодальныя времена. Опъ господства Римской Гіерархіи въ средневѣковомъ мірѣ также произошло много такихъ учрежденій, которыя еще и теперь имѣютъ свое значеніе и силу. Такъ напр. самостоятельность Папскихъ владѣній въ Испаніи, политическая власть Папъ въ Европѣ, ихъ *jura Majestatis,* безбрачіе Католическаго духовенства, сословіе и права Кардиналовъ, обряды Каноническаго права при дѣлопроизводствѣ въ свѣтскихъ Европейскихъ судилищахъ, кавалерскіе ордена средневѣ-

ковыхъ Папъ, и многое другое.—Все это остатки средневѣковаго владычества Папъ надъ Европою, слившіеся съ современною жизнію Европеизма. Наконецъ во время средневѣковаго господства демократизма получили свое начало, силу и жизнь всѣ настоящія отношенія между гражданскими сословіями, весь городской бытъ, нравы, обычаи, права и привиллегіи гражданъ. Со времени онаго въ высшихъ сословіяхъ родилась охота къ городской жизни и теперь еще весьма замѣтная въ дворянствѣ.

Въ Италіи ввелся обычай, до сихъ поръ существующій, по которому всѣ знатныя особы живутъ почти постоянно въ большихъ городахъ. Но особенно въ слѣдствіе господства общинъ и большихъ городовъ размножились во всей Европѣ города, утвердилась гражданская свобода новѣйшихъ народовъ, образовались Европейскія націи и развилось среднее сословіе, посредствомъ котораго утвердилась законная власть Государей, основаны были въ государствахъ порядокъ, равенство, права и полиція, составлены были законы и статуты, сообразныя съ цѣлію, опредѣлены уложенія, такъ, что нѣтъ даже теперь ни одного государства въ Европѣ, ни одной провинціи въ

государствѣ, гдѣ бы не было по крайней мѣрѣ слѣдовъ дѣйствія уложеній или составленныхъ и написанныхъ, или собранныхъ и улучшенныхъ трудами сословія, произшедшаго изъ общинъ. Такъ напр. въ Шотладіи многія средневѣковыя постановленія горожанъ и теперь остаются неизмѣнными напр. такъ называемый *Lawburrows*, по которому подозрѣваемый во враждѣ или злобѣ обязывался представить обезпеченіе въ миролюбивомъ своемъ поведеніи. Современное Англійское устройство большею частію основывается на постановленіяхъ, изданныхъ во время господства Англійскихъ городовъ. По сознанію самихъ Англичанъ все, что вспрѣчается новаго въ Англійскомъ законодательствѣ, есть одно подтвержденіе, или толкованіе акта *Magna charta*, изданнаго Іоанномъ Безземельнымъ (69). Въ гражданскомъ состояніи нынѣшней Франціи столько сходства съ состояніемъ ея въ XIV и первой половинѣ XV вѣка, когда господствовали городскіе представители, что первое можно назвать возобновленіемъ послѣдняго. Какъ теперь, такъ и тогда Французскіе Короли все дѣлаютъ и рѣшаютъ una cum consensu et voluntate Francorum: una cum patribus episcopis, optimatibus caeteroque promiscuae aetatis et dignitatis populo, именемъ, котораго обозначался низшій классъ сво-

бодныхъ людей, тотъ самый, который теперь извѣстенъ во Франціи подъ именемъ средняго состоянія. Вообще самодержавіе во Франціи, составляющее болѣе или менѣе отличительный характеръ ея Исторіи въ послѣдніе три вѣка, было явленіемъ временнымъ, случайнымъ. Оно нимало не вытекало изъ духа націи, изъ сущности государственнаго организма какъ въ Россіи. Посему рано, или поздно, должно было уничтожиться и въ настоящій вѣкъ дѣйствительно послѣ жестокой борьбы уступило мѣсто сословіямъ. Далѣе Европейскіе вольные города и Швейцарская республика съ своими устройствами и управленіями суть явныя произведенія средневѣковаго республиканизма городовъ, типъ ихъ быта. Такимъ образомъ господство каждой изъ формъ государственнаго устройства во время среднихъ вѣковъ надобно почитать началомъ и основаніемъ всѣхъ отраслей гражданскаго состоянія современныхъ Европейскихъ государствъ: ибо тамъ, какъ видимъ, развились всѣ особенныя устройства для отдѣльныхъ сословій, такъ, что современное различіе сихъ сословій и ихъ респрезентацій по отдѣльнымъ частямъ, правамъ и обязанностямъ можетъ намъ прояснить только средневѣковая Исторія.

III. *Развитіе Церковнаго состоянія. Образованіе и развитіе* какого бы ни было общества людей суть два различныя дѣйствія. Образованіе относится къ организаціи предмета, есть процессъ соединенія однородныхъ его частей съ разнородными въ одно стройное цѣлое и ограничивается формою расположенія или опредѣленіемъ взаимнаго отношенія составныхъ частей; развитіе есть измѣненіе образовавшагося общества, измѣненіе самыхъ его частей въ слѣдствіе борьбы двухъ дѣйствующихъ на него противоположныхъ силъ внутренней и внѣшней, или иначе есть усовершенствованіе того, что содержится въ обществѣ. Посему каждое общество или состояніе сперва образуется, потомъ развивается такъ, что еще нельзя сказать: если оно образовалось, то уже и развилось. Говоря о среднѣвѣковомъ состояніи Западной Церкви, мы также должны отличать его образованіе отъ развитія. Первое совершалось по идеѣ Римскихъ Епископовъ и силою ихъ власти, а послѣднее происходило въ слѣдствіе и по мѣрѣ борьбы Церкви съ врагами ея быта. Первое составляло характеръ первой половины среднихъ вѣковъ, а послѣднее характеръ второй. Развитіе Церкви шло тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе являлось противниковъ образовавшейся системѣ ея. Каждый изъ нихъ хотѣлъ

дать Церкви другой видъ и тѣмъ самымъ болѣе или менѣе содѣйствовалъ измѣненію ея состоянія. Оппозиція противъ Церкви началась изъ двухъ направленій, которыя господствуютъ во всѣхъ религіозныхъ системахъ, только въ разныхъ видахъ. Первое направленіе по самое, которое мы теперь называемъ *Раціонализмомъ*. Оно стремится согласить требованія Церкви съ требованіями разума и правила, выдаваемыя религіею за положительныя, разсматриваетъ съ философской точки. Второе направленіе есть практическое, которое иначе называется *Мистицизмомъ*. Оно стремится доставить религіи вліяніе на духъ и осуществить оную во всѣхъ дѣйствіяхъ жизни. Первое направленіе выразилось въ схоластической философіи и Папамъ оно слишкомъ не нравилось: ибо они чувствовали, что ежели откровенная религія имѣетъ нужду, чтобы освѣтилъ ее разумъ человѣческій, то это уже было величайшее нападеніе на самую религію. Григорій IX выразилъ свое негодованіе на такое направленіе въ посланіи своемъ 1822 года къ Парижскому Университету, упрекая членовъ онаго, что они *изъ головы сдѣлали себѣ хвостъ*, т. е. заставили Царицу Богословію служить не высокорожденной философіи. Изъ школы Схоластиковъ скоро явился реформаторъ въ лицѣ

Арнольда Брешіо. Онъ нападалъ на Церковь не только за ея церковные догматы, но и за ея политическую силу. По его мнѣнію Папы должны быть въ строгомъ смыслѣ духовными особами и исправлять церковныя дѣла безъ свѣтской власпи. Епископы не должны имѣть регалій, монахи имущества и все свѣтское должно принадлежать одной свѣтской власпи. Ученіе Арнольда нашло много послѣдователей особенно въ Римѣ. Римляне отказались повиноваться Папѣ въ свѣтскихъ дѣлахъ; впрочемъ эта первая попытка къ реформаціи была неудачна и скоро подавлена. Вообще схоластицизмъ во всякомъ случаѣ не такъ былъ опасенъ для господствующаго состоянія Церкви, какъ мистицизмъ. Мистики требовали подражанія Іисусу Христу въ жизни и дѣлахъ. Очевидно такое направленіе было въ оппозиціи со всею Церковію: ибо Іерархія, ея постановленія и всѣ ея цѣли рѣзко противорѣчили тому идеалу, который составило себѣ воображеніе мистиковъ касательно христіанскаго общества. Далѣе мистики утверждали, что неправильное положеніе Церкви по отношенію къ человѣчеству было причиною безпрестанныхъ раздоровъ и войнъ и что Христіанство тогда только можетъ исполнить свое назначеніе, т. е.

водворитъ миръ на землѣ, когда Церковь будетъ очищена отъ всего несвойственнаго ей и предосудительнаго. Это ученіе въ послѣдователяхъ его произвело столь сильную страсть къ преобразованію господствовавшей Церкви, что послѣдняя должна была защищаться отъ нихъ и перомъ и мечемъ; но ничто не помогло: состояніе ея отъ борьбы съ ними мало по малу совершенно измѣнилось и сдѣлалось такимъ, какое теперь составляетъ отличительный характеръ всей Западной Церкви.

Первыя мистическія секты явились въ XII вѣкѣ въ Верхней Италіи. Главную изъ нихъ составляли *Катаристы*, οι Καθαροι. Они хотѣли преобразовать Христіанскую Церковь согласно съ новымъ завѣтомъ и отбросить все, что перешло въ нее изъ ветхаго. Ученіе Катаристовъ въ основаніи сходно было съ манихеизмомъ. Они подобно Манихеянамъ считали ветхій завѣтъ дѣломъ діавола, а только одинъ новый созданіемъ Бога: ибо по ихъ мнѣнію Богъ, изображенный въ ветхомъ завѣтѣ, не могъ быть богомъ добрымъ: Богъ ветхаго завѣта проклялъ землю, Богъ новаго завѣта благословилъ ее. Богъ ветхаго завѣта повелѣвалъ производить гоненіе

и смерть, и Богъ новаго завѣта заповѣдалъ терпѣніе, крестъ и любовь къ самымъ врагамъ. Такъ какъ основныя постановленія Римской Церкви заимствованы изъ ветхаго завѣта, то она казалась Катаристамъ дѣломъ злаго начала, твореніемъ діавола. Ученіе ихъ быстро и далеко распространилось въ XIII вѣкѣ; но не согласія, произходившія по случаю каждаго нововводимаго мнѣнія, были причиною того, что вся секта скоро ослабѣла отъ раздѣленія ея на множество другихъ сектъ и была легко истреблена соединеннымъ усиліемъ свѣтской и духовной власти; однако мнѣнія ея не были совсѣмъ забыты и въ послѣдствіи осуществились на самомъ дѣлѣ въ сектѣ Пуританъ, обитателей Шотландіи (70).—

Гораздо болѣе вліянія на измѣненіе состоянія Церкви Западной и обширнѣе по объему было *ученіе Вальдійцевъ* или *Албигенцевъ*, которое доселѣ въ городахъ Піемонта имѣетъ своихъ послѣдователей. Они оспаривали у Папъ одно право за другимъ и наконецъ отвергли всю форму Римской Церкви: уничтожили рукоположеніе, утверждая, что благочестивый мірянинъ гораздо лучше можетъ совершать священнодѣйствіе, нежели духовная особа дурной нравствен-

ности; за излишнее украшеніе называли Церковь Вавилонскою блудницею, Прелатовъ уподобляли книжникамъ, Монаховъ Фарисеямъ, словомъ, отвергли все, что введено было Папами въ Римской Церкви и хотѣли держаться одного новаго завѣта. Папа Иннокентій III поспигалъ всю опасность, какою угрожали Церкви Албигенцы и рѣшился во что бы то ни стало отвратить ее. Его мѣры были удачны и увѣнчались успѣхомъ. — Возстаніе еретиковъ уничтожено огнемъ и мечемъ. Но чтобы противопоставить твердый оплотъ противъ духа изслѣдованій и сопротивленія, Церковь въ нѣдра свои должна была принять новыя два учрежденія, измѣнившія ея отношенія къ обществу. Это было 1) *Инквизиція*. Она была ни что иное, какъ судъ для еретиковъ, который зависѣлъ отъ одного только Папы и въ тоже время имѣлъ право прибѣгать къ оружію въ случаѣ нужды. Онъ отличается отъ всѣхъ другихъ духовныхъ судовъ тѣмъ, что Инквизиторы занимались изслѣдованіемъ только однихъ ересей. 2) *Нищенствующіе Монашескіе ордена*. Въ такое время когда сдѣлалось предметомъ сомнѣнія то, что прежде простыми душами принимаемо было съ полною вѣрою, многія лица дошли до нѣкотораго рода духовнаго отчаянія, въ которомъ казалось

имъ могутъ помочь только самыя крайнія средства, или совершенное отреченіе отъ себя, и пожертвованіе самимъ собою изъ желанія водворить на землѣ небесный порядокъ или усердное защищеніе всего того, словомъ и дѣломъ, что прежде считалось непреложнымъ, чтобы сохранить порядокъ. Изъ сихъ направленій первое явилось въ жизни Св. Франциска, а второе въ жизни Св. Доминика и въ нищенствующихъ орденахъ, основанныхъ сими двумя мужами при Гонорій III 1216 и 1225 года. Послѣдніе составляли въ рукахъ Папы постоянное войско для защиты его престола и вѣры Римской: ибо что духовные рыцарскіе ордена производили въ Сарацинскихъ земляхъ копьемъ и мечемъ, то въ раскольническихъ земляхъ дѣлали Монахи словомъ и примѣромъ. По образцу сихъ двухъ орденовъ явились скоро еще многіе другіе ордена: женскій Св. Клары, по образцу Францисканскаго; Кармелитовъ и наконецъ Августинцовъ въ 1254 году при Папѣ Иннокентій IV. Вся Западная Европа наполнилась Монахами. Папы покровительствовали имъ, потому что они служили орудіемъ ихъ для достиженія политическихъ и религіозныхъ цѣлей. Сонъ видѣнный Иннокентіемъ III, будтобы Францискъ и Доминикъ несли Латеранскій дворецъ на

своихъ плечахъ, осуществился скоро на самомъ дѣлѣ. Именно XIII и XIV вѣкъ были временемъ всесторонняго развитія состояній общественной жизни: все измѣняло свой видъ, все принимало форму сообразную съ духомъ времени: одна Римская Церковь не допускала никакихъ измѣненій въ своемъ состояніи. Она, какъ, и прежде не хотѣла быть членомъ государства, но требовала, чтобы государство было ея членомъ,—чтобы не она была въ государствѣ, но оно въ ней. Но подобныя требованія со стороны ея были неумѣстны и казались анахронизмомъ. Посему произвели во многихъ свѣтскихъ властяхъ, Университетахъ и сословіяхъ желаніе преобразовать силою ея состояніе и дать ей въ кругу гражданскаго общества мѣсто, не такое, какое Церковь сама хотѣла и до тѣхъ поръ занимала, но такое, какое будетъ сообразно съ духомъ Христіанства и гражданства. Все ея состояніе и самые догматы подвергнуты были учеными изслѣдованію. Нѣмецкіе и Французскіе ученые изслѣдовали ея внѣшнее состояніе и устройство, а Англійскіе и Богемскіе стали разбирать самое ученіе и догматы Римской Церкви. Всѣ видѣли, что *время начать судъ надъ домомъ Господнимъ*. Французъ *Николай Кломангесъ* написалъ *de ruina*

ecclesiae, гдѣ возобновилъ многія мнѣнія Вальдійцевъ; а Канцлеръ Парижскаго Университета *Герсонъ* изложилъ даже самыя средства къ преобразованію Церкви въ своемъ сочиненіи *de mediis uniendi et reformandi ecclesiam in concilio universali. Іоаннъ Викклефъ*, Профессоръ Оксфордскаго Университета, сдѣлалъ еще болѣе: опровергалъ все ученіе Римской Церкви о причащеніи, исповѣди и Индульгенціяхъ, равно о непогрѣшительности и власти Папъ. Мнѣнія Кломангеса и Герсона нашли всеобщее одобреніе, а мнѣнія Викклефа распространились даже въ Богемію и нашли защитника *въ Іоаннѣ Гуссѣ*.—Все это заставило Западныхъ Христіанъ созвать Вселенскій Соборъ, который и дѣйствительно собранъ былъ *въ Констанцѣ* 1414 года. Но здѣсь совершенно несдѣлано было то, чего требовали и ожидали. Изъ всѣхъ соборныхъ опредѣленій только два были важны: 1) Чрезъ каждые десять лѣтъ имѣть всеобщій соборъ и 2) соборы сіи должны быть выше Папы и опредѣленіямъ ихъ долженъ повиноваться самъ Папа. Даже новыя, произшедшія оттуда отношенія между главою и сословіями Церкви, не были ясно и опредѣленно выражены. То, чего реформаторы не достигли на Констанцскомъ соборѣ, хотѣли довершить *на Базельскомъ* въ

1431 году. Какъ на первомъ, такъ и на послѣднемъ всѣхъ болѣе и всѣхъ настойчивѣе требовали реформаціи Нѣмцы. Ихъ реформацскій духъ, негодованіе на неизмѣнность и желаніе преобразованія сообщились всѣмъ. Это видно изъ отвѣта, который данъ былъ Соборомъ Папѣ Евгенію IV на его буллу, посредствомъ которой онъ требовалъ отсрочки и перенесенія Собора изъ Базеля въ одинъ изъ Италіянскихъ городовъ. „Необузданные нравы Нѣмецкаго духовенства, отвѣчалъ соборъ, дѣлаютъ всякое отлагательство опаснымъ. Ибо свѣтскія сословія въ Германіи были бы тѣмъ чрезвычайно возмущены и надобно опасаться, чтобы они, не получивъ скораго удовлетворенія, не напали подобно Гусситамъ на все духовенство и ежели бы этотъ соборъ, отъ котораго весь міръ желаетъ преобразованія, опять разошелся безъ всякаго успѣха, то значитъ имъ будетъ данъ предлогъ и благовидная причина къ возстанію.“ Если бы реформатскій духъ съ такою же силою продолжалъ свои преобразованія на Базельскомъ Соборѣ, съ какою приступилъ къ онымъ, то можетъ быть тогда же Римская Церковь была бы поставлена въ такое состояніе, въ какое привела ее реформація Германская и въ какомъ она теперь находится. Но

духомъ реформаторовъ водили столь разнообразные интересы и страсти, что общее совершенно упущено было изъ виду, и что состояніе Церкви совершенно осталось неизмѣннымъ. Негодованіе въ Германіи отъ неудачи измѣнить отношенія Римской Церкви къ Христіанству еще болѣе усилилось: всѣ были готовы къ національному возстанію противъ Папы и его Церкви. Причинъ къ оному было въ самомъ дѣлѣ много. Нуженъ былъ только руководитель. Такимъ явился *Лютеръ*. Его благоразуміе и ошибки его противниковъ, равно многія другія важныя обстоятельства, которыми не могли воспользоваться ни Вальдъ, ни Викклефъ, ни Гуссъ, облегчили подвигъ Германскаго реформатора. Его ученіе и нововведенія были причиною того, во 1) что въ Западной Церкви явилось раздѣленіе, которое едвали когда либо уничтожится, судя потому, съ какою ревностію, въ нынѣшнія времена, стараются это раздѣленіе церквей сохранить и утвердить; 2) что всѣ догматы и ученіе Римской Церкви были повѣрены, нѣкоторые измѣнены, другіе пополнены, а иные совсѣмъ уничтожены, словомъ вся система вѣры Католической получила такую форму и содержаніе, которыя до сихъ подъ остаются неизмѣнными; и наконецъ 3) что все внѣшнее и внут-

реннее состояніе Римско-Каполической Церкви приняло совершенно новый видъ, тотъ самой, въ какомъ она теперь представляется. Этотъ великій переворотъ въ состояніи Западной Церкви былъ послѣдній и заключилъ далнѣйшее развитіе ея. Хотя онъ совершился не въ средніе вѣка, но реформація, произведшая оный, была произведеніемъ сихъ вѣковъ: причины, поводъ и самыя начала ея были средневѣковыя. Посему и результаты ея можемъ считать таковыми. Изъ всего сказаннаго о развитіи состоянія Западной Церкви видно, что все образованіе и развитіе настоящаго ея состоянія есть плодъ среднихъ вѣковъ.

IV. *Развитіе состоянія просвѣщенія.* Подъ именемъ просвѣщенія разумѣемъ такое въ человѣкѣ развитіе способностей и силъ, въ слѣдствіе котораго онъ вполнѣ сознаетъ свои потребности, права и назначеніе и умѣетъ выполнить оныя, искусно избѣгая препятствій, средствами болѣе легкими и дѣйствительными, нежели человѣкъ безъ просвѣщенія. Естественно, сравнивая между собою гражданскія общества разныхъ періодовъ времени, нельзя не видѣть, что современныя намъ Европейскія общества просвѣщеннѣе всѣхъ предшествовавшихъ имъ. И точно мы во

всемъ стоимъ выше своихъ предковъ: въ вѣрѣ, нравственности, знаніяхъ наукъ и искуствъ, въ развитіи промышленности всякаго рода, въ объемѣ и богатствахъ нашей торговли и во всевозможныхъ удобствахъ жизни общественной и частной. Но какъ мы достигли такого счастливаго состоянія? Своими ли только трудами возвысились до сего первенства? Сами ли произвели всѣ эти удобства, пріятности и улучшенія? Конечно нѣтъ. Если признать мнѣніе Ансильона справедливымъ, что главное стремленіе современныхъ Европейскихъ Государствъ составляютъ физическое благосостояніе и удобства житейскія, что почти въ самомъ дѣлѣ вѣрно; то можно допустить, что касательно усовершенствованія общественной жизни въ физическомъ отношеніи многое мы сами сдѣлали; но въ развитіи духовной ея стороны мы почти ничего не произвели важнаго, новаго. Впрочемъ даже и въ первомъ случаѣ, если коснемся главныхъ средствъ, способствовавшихъ къ совершенному развитію націй Европейскихъ, должны согласиться, что усовершенствованное состояніе самой матеріальной жизни въ новѣйшія времена есть слѣдствіе улучшеній, сдѣланныхъ во время среднихъ вѣковъ. Древніе не знали

ни компаса, ни тряпичной бумаги, ни увеличительныхъ стеколъ, ни зеркалъ изъ стекла, ни боевыхъ, ни карманныхъ часовъ, ни каминовъ, ни трубъ печныхъ, ни вѣтряныхъ мельницъ, ни книгопечатанія, ни литографіи, ни пороха, ни пушекъ, и другихъ огнестрѣльныхъ оружій, ни векселей, ни заемныхъ банковъ и пр. Все это были изобрѣтенія среднихъ вѣковъ и безъ сомнѣнія не случайныя. Всѣ они, и особенно четыре изъ нихъ, *компасъ, порохъ, тряпичная бумага* и *книгопечатаніе* дали общественной жизни новый видъ и сдѣлали возможными современныя великія перемѣны въ наукахъ, искусствахъ и жизни общественной. *Компасъ*, находка *Флавіо Джоіи* 1309 года, открылъ и сдѣлалъ доступными океаны, которые казались непроходимыми и сдѣлалъ возможнымъ открытіе дальныхъ частей свѣта, и обладаніе ихъ сокровищами. *Порохъ*, изобрѣтеніе *Бертольда Шварца*, Францисканскаго Монаха изъ Фрейбурга (71), съ 1354 произвелъ почно такую же перемѣну въ военномъ быту, какую компасъ въ кораблеплаваніи: отряды войскъ начали теперь дѣйствовать сомкнутою массою своихъ силъ, а не по одиначкѣ. Личная храбрость должна была уступить расчетамъ вождя и стройной системѣ наступленія и обороны. Рыцар-

ство пало. Тяжело вооруженная конница лишилась перевѣса своего въ битвахъ, а чрезъ то и самое дворянство, служившее въ ней, упало въ силѣ и значеніи. Воинская служба сдѣлалась теперь занятіемъ благороднымъ, война искусствомъ и объ требуютъ обширныхъ свѣдѣній, ума и прозорливости. Личная сила нестройной необученной массы исчезала предъ горстью людей, дѣйствовавшихъ по правиламъ дисциплины военной и при пособіяхъ появившихся въ слѣдствіе изобрѣтенія пороха (72). *Книгопечатаніе* для сообщенія идей, для умственной связи людей между собою, есть тоже, что мореплаваніе для купцовъ. Со времени изобрѣтенія онаго Майнскимъ уроженцемъ *Гуттенбергомъ* въ Стразбургѣ между 1420 и 1445 годомъ, мысль человѣческая во внѣшней формѣ своей сдѣлалась безсмертною (73). Совершенное уничтоженіе какого бы ни было значительнаго литтературнаго произведенія съ трудомъ возможно. Типографія въ нѣсколько дней доставляетъ тысячи оттисковъ, которые, будучи разсѣяны по Европѣ подобно сѣмени, могутъ истребиться только съ истребленіемъ ея жителей. Самыя сокровища знанія отдаленнѣйшихъ временъ чрезъ то спасены были отъ погибели и сдѣлались собственностію публичною. При-

ступъ къ нимъ сдѣлался легче. Масса всевозможныхъ понятій начала увеличиваться. Все, что только опытомъ, усиліями духа человѣческаго и наблюденіемъ различныхъ отношеній жизни общественной и частной было понято, изъяснено и пополнено, стало распространяться посредствомъ книгопечатанія съ быстротою молніи по всему лицу земному (74). *Тряпичная бумага* сдѣлала и бѣдняка участникомъ въ собственности умовъ просвѣщенныхъ и геніальныхъ (75). Если разсмотрѣть исторію изобрѣтеній, то окажется, что важнѣйшія и полезнѣйшія изобрѣтенія относятся къ среднимъ вѣкамъ, которые такимъ образомъ или сами произвели оныя, или положили только къ тому основаніе, или показали потомству способы осуществить оныя. Уже одни эти открытія и изобрѣтенія по части наукъ, изящныхъ искуствъ и промышленности доказываютъ, что всѣ сіи отрасли просвѣщенія были предметами заботливости средневѣковыхъ народовъ, развивались и возрастали:

I. *Науки.* Онѣ стали развиваться сперва на Востокѣ. Когда Западные Европейскіе Христіане ограничивались только изученіемъ свободныхъ искуствъ, тамъ процвѣтали уже многія науки: въ Константи-

нополѣ *Греческая Классическая Литтература*, *Исторія* и *Географія*; у поклонниковъ Магомета Аравитянъ, *Аристотелева Діалектика* и *точныя науки* преимущественно. Въ VIII вѣкѣ Аравитяне такъ ревностно занимались Математикою, что имъ *Алгебра* обязана, если не своимъ началомъ, то по крайней мѣрѣ названіемъ и усовершенствованіемъ (76). *Астрономія* была также любимымъ предметомъ. Въ правленіе Альмамума измѣненъ и повѣренъ былъ въ первый разъ *градусъ широты*, приготовлялись астрономическіе инструменты, построены были *обсерваторіи*, изъ коихъ на знаменитѣйшей Антіохійской Директоромъ ея *Магомедомъ Ген-Ишебюромъ* опредѣлены были *наклоненія эклиптики* и *мѣста занимаемыя солнцемъ на небѣ въ равныя времена года* (77). Медицинскія науки у Аравитянъ были не въ меньшемъ уваженіи и совершенствѣ. Они изобрѣли *Химію* въ VIII вѣкѣ и хотя занимались ею преимущественно для Алхимическихъ открытій, впрочемъ при сихъ занятіяхъ изобрѣтены были новые составы цѣлебнаго свойства. Аравійскіе врачи и ихъ открытія имѣли большое значеніе въ Европѣ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и удерживаютъ оное въ медицинѣ до настоящаго времени. Историческія науки также имѣли ревностныхъ любителей. Мы знаемъ

чрезвычайно много именъ Историковъ, Біографовъ, Географовъ, описателей путешествій. Ихъ сочиненіями наполнены и теперь многія Европейскія библіотеки (78). Въ Испаніи Сарацинской процвѣтала также и Философія: *Аверроесъ* обнималъ не только всѣ части Физики и Медицины, но и изучалъ съ Аристотелемъ Платона; другой Испанскій философъ *Бенъ-Багія-Эбу* или *Авенъ Паце* имѣлъ большое вліяніе на Христіанскую Схоластику и Мистику. Доказательствомъ ревностнаго занятія Аравитянъ науками и ихъ успѣховъ въ оныхъ служитъ количество самыхъ заведеній для просвѣщенія: въ одной Сарацинской Испаніи въ X вѣкѣ было 70 публичныхъ библіотекъ и 17 Университетовъ. Двухъвѣковыя воинственныя сношенія Христіанъ съ Магометанами и посѣщеніе Сарацинскихъ Университетовъ Европейцами имѣли слѣдствіемъ то, что плоды просвѣщенія Аравитянъ перенесены были на Европейскую почву и нашли здѣсь достойныхъ цѣнителей. *Схоластическая Философія* приняла здѣсь новый полетъ, такъ что Царица Богословія должна была уступить ей наконецъ свое первенство. Въ XII вѣкѣ *Римское Право* введено въ кругъ академическаго преподаванія сперва въ Болоніи *Ирнеріемъ*, потомъ въ разныхъ областяхъ Франціи, далѣе въ

Англіи и наконецъ скоро распространилось по всей Европѣ. Въ томъ же вѣкѣ уже явились системы правъ, составленныя по образцу Римскаго: такъ Феодальное въ Миланѣ двумя законовѣдами и Каноническое въ Римѣ Граціаномъ. Возстановленіе и распространеніе Римскаго Права въ средневѣковой Европѣ имѣетъ столь великое вліяніе на состояніе современной Юриспруденціи, что послѣдняя будетъ темна безъ перваго. *Савинъи* доказалъ это въ образцовомъ своемъ сочиненіи: Die Geſchichte des römiſchen Rechts im Mittelalter. *Данте Алигьери* въ концѣ XVIII вѣка (род. 1265, а + 1321) своею Аллегорически-Сатирическою *la divina comedia* далъ поэзіи новое направленіе. Смѣлостію своихъ фантазій освободилъ поэзію отъ узъ, стѣснявшихъ ее. *Францъ Петрарка* (р. 1304, а+1374) въ XII вѣкѣ явился основателемъ Филологіи и Философіи. Со времени его древніе классики, философы и поэты стали мало по малу входить въ извѣстность. Появленіе ихъ дало жизнь всѣмъ наукамъ и измѣнило ихъ направленіе, содержаніе и форму. Прежде всѣхъ наукъ этотъ переворотъ испытала на себѣ Философія. Съ появленіемъ Платона произошелъ сильный и жестокій споръ о преимуществѣ его предъ Аристотелемъ. Этотъ споръ былъ ничто иное, какъ споръ вновь явившихся взглядовъ на

жизнь съ догматическою системою Схоластиковъ. Умнѣйшіе (79) рѣшили дѣло въ пользу Платона; а Аристотель, любимецъ среднихъ вѣковъ, сталъ приходить въ забвеніе и скоро былъ оставленъ. При Козьмѣ Медичи въ Флоренціи явилась Академія Платониковъ: *Гемистъ Плевонъ*, *Марсиліо Фичино*, *Кардиналъ Бессаріонъ* и *Іоаннъ Пико дела Мирандола* служатъ доказательствомъ славнаго ея состоянія. Вообще главнымъ періодомъ развитія философіи было господство Медицисовъ во Флоренціи. Тогда же собственно стала процвѣтать и Филологія. *Францъ Филельфо*, *Поджіо Браччіолини*, *Никколо Никколи Лаврентій Веронскій*, *Амвросій Траверсари*, *Леонардо Бруно*, *Гаурино Веронскій*, *Іаковъ д'Анжело*, *Викторинъ де Фелтре*, *Карло Марсупинни* и многіе другіе могутъ быть по праву названы отцами филологіи позднѣйшей. Они не только спасли всѣхъ писателей, или отдѣльныя произведенія древнихъ отъ угрожавшей имъ погибели, но они еще перевели ихъ, толковали и такимъ образомъ открыли потомству способъ къ ихъ уразумѣнію. Съ изученіемъ древнихъ классиковъ возникла также Исторія и историческая критика. Всѣ сіи направленія сосредоточивались и были приводимы въ движеніе *въ Университетахъ*. Открытіе послѣднихъ составляетъ важнѣйшую эпоху

въ средневѣковой и современной Исторіи просвѣщенія. Науки и Европейскія націи имъ однимъ обязаны тою степенію умственнаго совершенства, на какой стоятъ въ настоящее время: всѣ улучшенія и открытія въ первыхъ и успѣхи въ просвѣщеніи послѣднихъ начались собственно съ основанія Университетовъ во время среднихъ вѣковъ. Тогда же вполнѣ постигнута была важность сихъ новыхъ заведеній и не щадили ни средствъ, ни дѣятельности къ возвышенію и улучшенію оныхъ. Древнѣшими Университетами считаютъ: *Салернскій, Болонскій, Парижскій* и *Оксфордскій*. Въ каждомъ изъ нихъ занимались исключительно одною какою нибудь отраслію наукъ. *Салернскій* былъ *средоточіемъ Медицинскихъ наукъ* и врачей. *Болонскій* славенъ былъ особенно *развитіемъ наукъ Юридическихъ*. Современники о первомъ говорили *urbs medicinae artis famosa et praecipua*, а послѣдній называли *mater studiorum* и этотъ титулъ старались увѣковѣчить надписями на самыхъ монетахъ Болонскихъ: *Petrus ubique pater legum que Bononia mater*. *Парижскій* былъ главнымъ мѣстомъ *Схоластическаго Богословія*, а *Оксфордскій средоточіемъ занятій in Aristotelicis et Ciceronianis ratiocinatiobus*. Впрочемъ не смотря на это предпочтеніе одной какой нибудь

части наукъ, были Профессоры для преподаванія всѣхъ отраслей наукъ. Профессорамъ назначены были опредѣленные часы для чтенія, Студентамъ временныя испытанія, срокъ для ученія большею частію пятигодовый, тѣмъ и другимъ ученыя степени, награды, отличія, а равно и наказанія такія же, какъ и теперь. Уже въ половинѣ XIII вѣка былъ законъ, по которому никто не могъ учить въ Университетѣ, не имѣя ученой степени Доктора, Магистра, или Баккалавра. Главою Университета всегда былъ *Ректоръ*, котораго избирали Профессоры и Студенты *Scholares* изъ своей среды каждогодно и который въ публичныхъ собраніяхъ занималъ мѣсто выше самыхъ Епископовъ. Ректоромъ могъ быть только Членъ Университета, не женатый и не монахъ и имѣвшій отъ роду покрайней мѣрѣ 25 лѣтъ. При немъ полагался *Сенатъ*, коего члены назывались *procuratores nationum*: ибо Студенты дѣлились по націямъ и каждая имѣла своего Прокуратора. Далѣе *Синдикъ*, защитникъ Университета предъ государственнымъ судомъ, *Нотаріусъ* и *Педелла*, который завѣдывалъ Полиціею. Таково было устройство первыхъ Университетовъ! Оно служило образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ и въ сущности своей остается неизмѣннымъ

до настоящаго времени. Рвеніе, съ которымъ люди того времени стремились къ просвѣщенію, такъ было велико, что всѣ Университеты наполнены были учащимися изъ всѣхъ націй возрастовъ и званій. Въ Болонскомъ Университетѣ въ половинѣ XIII вѣка считалось 10.000 Студентовъ, а въ половинѣ XIV возросло это число до 13.000; въ Оксфордскомъ при Генрихѣ III, въ 1340 году, было 30.000 учащихся. Въ Парижскомъ, около тогоже времени, 10.000 человѣкъ было такихъ, которые имѣли ученыя степени, какъ же было велико все число Студентовъ? При смерти Карла VII въ самомъ дѣлѣ считалось тамъ 25.000 человѣкъ. Каждое государство почувствовало нужду въ собственныхъ Университетахъ. Государи и Князья съ тѣмъ же жаромъ и тою же щедростію, съ какою прежде воздвигали и обогащали вкладами монастыри, стали основывать и обогащать Университеты. Одно вычисленіе послѣднихъ даетъ намъ понятіе о живопробудившемся стремленіи къ наукамъ. Въ *теченіи XIII вѣка появилось семь новыхъ:* 1224 года въ Неаполѣ, 1228 въ Падуѣ, который въ половинѣ XIV вѣка получилъ исключительное право давать степени Доктора Богословія; 1229 въ Кембриджѣ; 1233 въ Тулузѣ; 1279 въ Лиссабонѣ, который отсюда въ 1308 году

переведенъ былъ въ Коимбру, ошкуда опять въ Лиссабонъ и наконецъ въ 1534 г. въ другой разъ въ Коимбру; 1289 въ Монпельѣ, а по другимъ въ 1298 г. Папою Николаемъ IV. Еще въ 1150 году тамъ была знаменитая Медицинская школа; наконецъ 1295 года въ Римѣ Университетъ Sapienza. *Въ XIV вѣкѣ основано было двадцать шесть:* 1300 въ Ліонѣ, 1300 въ Леридѣ, 1303 въ Авиньонѣ, 1306 въ Орлеанѣ Папою Климентомъ V для духовнаго и гражданскаго права; въ 1303 въ Фермо, въ 1307 въ Перуджіи, 1318 въ Тревизо, соединенный потомъ съ Падуанскимъ, въ 1320 въ Дублинѣ; 1339 въ Пизѣ, славный Медицинскимъ факультетомъ со времени Козьмы Медичи; 1339 въ Греновлѣ, 1348 во Флоренціи; 1349 въ Перпиньянѣ; 1347 въ Прагѣ Карломъ IV Императоромъ; 1354 въ Гуескѣ; 1357 въ Сіенѣ Карломъ IV, а по другимъ 1330; въ Кульмѣ 1387; 1361 въ Павіи Галеаццомъ, Висконти; 1346 г. въ Валладолидѣ, а по другимъ 1471 г. Кардиналъ Клименесъ основалъ; 1365 въ Вѣнѣ основанъ Австрійскими Герцогами Рудольфомъ,—Албрехтомъ и Леопольдомъ въ 1385 въ Гейдельбергѣ; 1388 въ Кельнѣ тамошнимъ совѣтомъ съ позволенія Урбана VI; 1391 въ Феррарѣ, 1398 въ Анжерѣ преимущественно для правовѣденія; 1392 въ Эрфуртѣ; 1394 въ Лермо

и 1400 въ Краковѣ. *Въ XV вѣкѣ тридцать восемь*: изъ нихъ *въ Германіи десять:* 1403 Вирцбургскій; 1409 Лейпцигскій Маркграфомъ Фридрикомъ и его братомъ Вильгельмомъ съ согласія Папы Александра V; 1419 въ Ростокѣ Герцогами Мекленбургскими Іоанномъ и Албрехтомъ; 1450 въ Трирѣ Николаемъ V; 1456 въ Грейсвальдѣ Врацисловомъ IX, Герцогомъ Померанскимъ; 1456 или 1460 въ Фрейбургѣ Эрцгерцогомъ Австрійскимъ Албрехтомъ VI; 1463 въ Бреслау; 1472 въ Ингольштадтѣ Герцогомъ Баварскимъ Людвигомъ; 1477 въ Тюбингенѣ и Майнцѣ. *Во Франціи шесть*: въ 1409; Каэнѣ 1437 Евгеніемъ IV; въ Поатье 1431; въ Бордо 1441, въ Нантѣ 1460 и Буржѣ 1469. *Въ Шотландіи три*: Св. Андрея 1411 Іаковомъ I; Глазговскій 1454 Архіепископомъ Глазгова Турнбуллемъ, и въ Олд-Аберденѣ 1480 Іаковомъ IV. *Въ Италіи семь*: въ Пестѣ; въ Туринѣ 1406 Людвигомъ Графомъ Савойскимъ; въ Пармѣ 1412, по просьбѣ тамошнихъ Гражданъ, Маркрафомъ Феррары Николаемъ III; въ Кремонѣ 1413; въ Катаніи на О. Сициліи 1445 Альфонсомъ; Моденѣ и Луккѣ. *Въ Венгріи* въ Офенѣ 1465 Королемъ Матіасомъ на основаніи полученнаго отъ Папы Павла II *Freiheitsbrief*. *Въ Нидерландахъ* 1426 Левенскій; *въ Швеціи* 1476 г.

Упсальскій Государство-правителемъ Стен-Стуромъ Старшимъ и Архіепископомъ Ульфсономъ съ согласія Сикста IV. *Въ Даніи* 1479 Копенгагенскій Христіаномъ I; *въ Швейцаріи* 1460 Базельскій. *Въ Испаніи семь*: 1404 въ Саламанкѣ; 1410 въ Валенціи; 1472 въ Сигуенцѣ; 1499 или 1425 въ Толедо; 1474 въ Сарагоссѣ въ Арраго-ніи; въ 1482 г. въ Авилѣ въ Новой Кастиліи; наконецъ въ Алькала-де Генаресѣ. *Въ XVI вѣкѣ*, котораго часть принадлежитъ и средневѣковому періоду *учреждено было 15 Университетовъ*. Изъ всѣхъ сихъ раннихъ Университетовъ одни уже не существуютъ теперь, другіе въ упадкѣ; впрочемъ во всякомъ случаѣ изъ 114 современныхъ Университетовъ болѣе половины составляютъ собственность среднихъ вѣковъ. Дополненіемъ къ Университетамъ были еще *Академіи*, или *общества ученыхъ*, которыя имѣли цѣлію распространеніе и усовершенствованіе наукъ общими силами. *Первою Академіею* въ собственномъ смыслѣ была Академія Платониковъ во Флоренціи, основанная Гемистомъ Плетономъ въ 1440 г., при содѣйствіи Козьмы Медичи. Изъ ученыхъ обществъ съ титломъ *частныхъ Академій* замѣчательны въ Италіи: 1) *Якова Аллегрети* въ XIV вѣкѣ для усовершенствованія поэзіи въ Римини; 2) *Люд-*

вига *Марсигли* и *Дж. Манетти во Флоренціи*; 3) *Козьмы Медичи* для Физическихъ наукъ; 4) *Бессаріона* въ Римѣ 1468 г. для развитія Платонизма; 5) тамъ же *Помпонія Лета* для древностей; 6) *Альдо Мануччіо Старшаго* въ Венеціи въ концѣ XV вѣка для исправленія текста и изданія древнихъ писателей; 7) *Конрадъ Цельтесъ* по знакомству съ Итальянскими Академіями подалъ поводъ къ основанію 7 ученыхъ обществъ въ Германіи, изъ которыхъ были замѣчательны *Дунайское, Венгерское* и въ Гейдельбергѣ два: *Collegium poëtarum,* и *Societas litteraria Rhenana.* Во Франціи въ родѣ Академіи учреждено было *въ Тулузѣ* для поощренія поэзіи въ 1324 году общество *des Jeux fleuraux*, а въ Барцелонѣ *Consistorio dela gaya Scientia* въ 1590 году (80).

II. *Изящныя искусства.* Съ ревностію къ наукамъ развились любовь и вкусъ ко всему пластически-изящному. Какъ въ библіотекахъ рылись за рукописями, такъ въ амбарахъ запустѣвшихъ и развалившихся жильяхъ древне-Римскихъ искали мраморныхъ и бронзовыхъ статуй и такимъ образомъ большая часть драгоцѣнныхъ остатковъ, которые теперь еще изумляютъ знатоковъ и художниковъ совершенствомъ и гармоніею своихъ формъ, открыты были въ теченіи

среднихъ вѣковъ. По образцу сихъ памятниковъ образовались новые художники, рядъ которыхъ начинаетъ въ Архитектурѣ и Ваяніи *Никколо Пизано*, умершій 1270 года; а въ Живописи Флорентинецъ *Джіотто*, современникъ и другъ Данте. Іоаннъ Галеаццо Висконти въ концѣ XIV вѣка основалъ въ Миланѣ Академію Архитектуры. При Козьмѣ Медичи во Флоренціи искусства изящныя стояли уже на высокой степени совершенства. Великолѣпный куполъ Санта-Мари-де Флоре, произведеніе любителя формъ древней архитектуры Филиппо Брунельски,—зданія Микелоццо, Бронзовые ворота Лоренцо Кибертиевъ Церкви Св. Іоанна, которые Микель Анджело объявилъ достойными быть вратами рая, и статуи ваятеля Донателло, до сихъ поръ немного имѣютъ счастливыхъ подражателей. Мазаччіо, основалъ школу живописцевъ во Флоренціи, а два знаменитые брата Губертъ и Іоаннъ Фанъ Эйкъ, которые ввели для живописи масляныя краски вмѣсто разводимыхъ прежде на яичномъ желткѣ и клею, имѣли величайшее вліяніе на развитіе живописи въ Нидерландахъ. Въ Неаполѣ, при Альфонсѣ V, учреждена была Академія Іовіаномъ Понпаномъ для поощренія и изученія изящныхъ искусствъ. Отъ конца XV до половины XVI вѣка, но исключительно

при Папѣ Львѣ X, котораго архипастырство составляетъ грань между средними и новыми вѣками, живопись является въ такомъ совершенствѣ, какого никогда не имѣла ни прежде, ни послѣ сихъ временъ. Въ его время основаны были четыре школы въ одной Италіи, именно: Леонардъ да Винчи (1452+1519), изобрѣтатель перспективъ въ живописи, основалъ Ломбардскую, Рафаель Санціо изъ Урбино (1483+1520) Римскую, Тиціано Вичелліо (1477+1576) Венеціанскую, и Микель-Анджело Флорентинскую. Въ то же время Альбрехтъ Дюреръ (+1528), творецъ картины Успенія Пресвятыя Богородицы, основалъ Нѣмецкую школу, а Лука Лейденскій (+1533) Голландскую. Каждая изъ нихъ имѣла свой отличительный характеръ, свои достоинства, идеалъ и цѣль. Всѣ позднѣйшіе живописцы до настоящаго времени были послѣдователи той или другой изъ нихъ, такъ что все, что у нихъ находимъ творческаго въ живописи, родилось отъ изученія произведеній художниковъ, жившихъ въ концѣ среднихъ и началѣ новыхъ вѣковъ. Тайная вечеря Леонарда да Винчи, Преображеніе Господне и Мадонна Рафаеля, Страшный судъ Микель-Анджело, Святая ночь Антоніо Аллегри или Корреджіо, смерть Св.

Мученика Петра и Успеніе Богородицы Тиціано немного до сихъ поръ находили достойныхъ цѣнителей и знатоковъ, тѣмъ менѣе подражателей.

III. *Промышленность.* Промышленность развивалась не быстро, но безъ остановки. Всѣ роды ея были обогащены новыми произведеніями, усовершены въ производствѣ и распространены въ гражданскомъ быту. Въ сельской промышленности множество полевыхъ, садовыхъ, огородныхъ и другихъ растеній, совершенно неизвѣстныхъ Европейской природѣ, перенесено въ Европу изъ другихъ частей свѣта и усвоено ея климату: такъ напр. просо привезено съ Востока въ Италію 1204 года; греча изъ Африки въ Испанію Маврами; Дамаская слива, маисъ, гвоздика, слива и другія пряноносцами изъ Азіи; апельсинныя и лимонныя деревья оттуда же въ Португалію въ 1352 году; шпинатъ изъ Азіи въ Валенцію въ 1258 году, а шафранъ изъ Африки въ Испанію Аравитянами. Вообще по растительному царству природы Европа обогатилась произведеніями во время среднихъ вѣковъ столько же, сколько и въ послѣдніе три вѣка. Въ обрабатывающей промышленности цѣховые люди умѣли выдѣлывать изъ шерсти и льна, изъ

пеньки и шелку, изъ волосъ и кожъ, изъ клею и земли, изъ камней, металловъ, растеній, соковъ, красокъ, изъ пеплу, солей, изъ ветошекъ и изъ всякой дряни такія удивительныя вещи, о которыхъ древніе не имѣли даже понятія и которыя опять въ свою очередь служили средствомъ къ произведенію другихъ подобныхъ же предметовъ (81). Эти начальныя мануфактурныя и фабричныя произведенія были предвѣстіемъ тѣхъ, которыми мы теперь пользуемся. По мѣрѣ распространенія обрабатывающей промышленности, развилась и увеличилась самая торговля. Она особенно возвысилась чрезъ перемѣну въ торговыхъ путяхъ въ слѣдствіе Крестовыхъ походовъ: послѣдніе измѣнили даже самое свойство торговли, изъ сухопутной произвели морскую (82). Хотя совершенная перемѣна произошла только чрезъ открытіе новыхъ земель и частей свѣта, чрезъ что морская торговля сдѣлалась, какою до тѣхъ поръ была сухопутная; впрочемъ еще задолго до сего событія, торговыя сношенія производимы были разными путями, изъ которыхъ немногіе были извѣстны древнимъ народамъ: одинъ путь былъ по Средиземному морю во всѣхъ направленіяхъ, другой по Дунаю, Черному морю, по Днѣпру и другимъ рѣкамъ къ Балтійскому морю

и въ Скандинавію; прежній по Рейну, Эльбѣ и Одеру чрезъ Балтійское море въ Скандинавію, а отсюда чрезъ Славянскія земли на Востокъ. Купцы Венеціанскіе на Югѣ, Ганза посредствомъ своихъ факторій на Сѣверѣ, Генуезцы на Востокѣ и Фламандцы на Западѣ Европы—были учителями нынѣшнихъ народовъ въ торговыхъ оборотахъ и ихъ наставленія и примѣръ имѣли величайшее вліяніе на ходъ и свойства сухопутной торговой промышленности въ новѣйшія времена. Какъ Брюгге на Западѣ и Любекъ на Сѣверѣ, такъ Венеція на Югѣ и Лепанто на Востокѣ были средоточіями торговли Европейской и складочными мѣстами вывозимыхъ и привозимыхъ товаровъ. Купцы имѣли свои правила и уставы для сухопутной и морской торговли ([83]): знали векселя ([84]), условія привоза и вывоза товаровъ ([85]), акцизы, имѣли банки ([86]), составляли торговыя компаніи, дѣлали обширныя спекуляціи, словомъ такъ были свѣдущи въ торговой промышленности, что современные народы не могутъ отказать имъ во вліяніи на свойство, объемъ и судьбу нынѣшней торговли.

Итакъ съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на средніе вѣка въ отношеніи

къ новѣйшему времени, вездѣ отражается вліяніе ихъ на состояніе послѣдняго. Чѣмъ кто больше сознаетъ это вліяніе, тѣмъ для того яснѣе представляется значеніе и важность ихъ въ отношеніи къ современному развитію Европы. Удовлетворяетъ ли мое рѣшеніе главной задачѣ, не знаю; но по крайней мѣрѣ имѣю право послѣ всего мною сказаннаго вывести изъ моего обзора отношеній средневѣковаго періода къ настоящему слѣдующія два заключенія.

Во 1.) Началомъ развитія нынѣшнихъ гражданскихъ обществъ въ Европѣ служитъ время паденія древняго міра. Первая степень сего развитія состояла въ произхожденіи и образованіи элементовъ нашей общественной жизни; вторая въ стремленіи развить сіи элементы по одиначкѣ, сблизить и соединить оные въ одно стройное цѣлое, въ одинъ организмъ; третія и послѣдняя въ усовершенствованіи самаго организма общественнаго въ цѣломъ и въ частяхъ. Послѣдняя составляетъ удѣлъ и характеръ новѣйшаго времени. Но кто скажетъ, что она возможна безъ двухъ первыхъ? Кто постигнетъ ея сущность, не зная и не понимая историческаго ея произхожденія? Она есть результатъ второй, равно какъ вторая результатъ первой и

только всѣ три вмѣстѣ составляютъ полную картину развитія новѣйшей Европы. Это суть первые возрасты послѣдней, подобные первымъ тремъ возрастамъ человѣка. Какъ въ жизни человѣка характеръ каждаго послѣдующаго возраста опредѣляется ходомъ развитія предыдущихъ, такъ и въ жизни государствъ характеръ каждой измѣняющейся степени развитія можно прояснить только предшествовавшимъ состояніемъ ихъ. Двѣ первыя степени развитія Европы новой относятся къ средневѣковому періоду ея жизни, а потому сей служитъ ключемъ къ познанію настоящаго состоянія ея.

Во 2.) Мнѣніе Ансильона, что „средніе вѣка относятся къ новѣйшему времени какъ причина къ дѣйствію, какъ средства къ цѣли, какъ сѣмя посѣянное на полѣ рукою земледѣльца къ плодовитому урожаю, какъ первый упренній лучь солнца къ полуденному его сіянію“ (87), совершенно справедливо.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Ансильонъ: Du Juste-Milieu Том. I статья sur le moyen-âge. Мейнерсъ Vergleichung des Mittelalters mit unserm Jahrhunderte, Hann. 1793, T. I. стр. 5.

(2) Мейнерсъ тамъ же.

(3) Гизо: Histoire de la civilisation en France, Том. IV стр. 20.

(4) Въ Нѣмецкомъ переводѣ Галема подъ заглавіемъ: Geschichtliche Darstellung des Zustandes von Europa im Mittelalter, два тома, въ Лейпцигѣ 1820 года.

(5) Августъ Тьерри: Dix ans d'etudes historiques, Bruxelles. 1835 г. часть II, стат. XI стр. 148.

(6) Галламъ: Том. II. стр. 345.

(7) Августъ Тьерри говоритъ, что Исторія Галлама въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Авторъ изображаетъ Францію, ни сколько не выше Исторіи de Velly и его продолжателей; тамъ же статья XI, стр. 148.

(8) Такъ называетъ его славный ученостію и трудами Проф. С. П. Б. Университета Шульгинъ. Сочиненіе Лудена Geschichte des Deutschen Volkes состоитъ изъ XIV томовъ, Gotha, 1827 и слѣд. г.

(9) Разсужденіе Цыха на степень Магистра по част. Ист. Наукъ стр. 36.

(10) Августинъ Тьерри написалъ: Histoire

de la conquête de l'Angleterre par les Normands, 4 vol.

(11) L'histoire des Ducs de Bourgogne, V vol. par Barante.

(12) Histoire Générale de la civilisation en Europe, Paris, 1828. leç. I.

(13) Мнѣніе Г. Профессора Гл. Пед. Института Ф. Ф. Лоренца, котораго былъ моимъ Наставникомъ въ Исторіи и котораго мнѣнія и взгляды въ исторіи по моему сознанію столь вѣрны и основательны, что знающій оные не можетъ не руководствоваться ими предпочтительно другимъ.

(14) Ансильонъ въ своемъ du Juste-Milieu sur le moyen-âge.

(15) Бланки: Geschichte der politischen Oekonomie in Europa, 1 Band, Hauptstück X.

(16) Христіанъ Бекъ въ св. Einleitung zur Welt- u. Volker Geschichte.

(17) Хлодовикъ I разбилъ Сіагрія Галльскаго Префекта при Соассонѣ 485 г.

(18) Робертсонъ въ Исторіи государствованія Императора Карла V, переводъ Барышова. Том. I, стр. 11.

(19) Бланки въ Исторіи Политической Экономіи Т.. I, гл. XII. стр. 132. Meier, l'esprit, origine et progrès des institutions judiciaires des principaux pays de l'Europe, tom. VI, 1818—23. Отсюда также ви-

димъ, что *tortur* пытка въ Ганноверѣ была еще въ употребленіи у судей во время изданія сего сочиненія. Вотъ слова автора: la question preparatoire a été reintroduite dans la procédure criminelle pendant les années 1813 et 1814.

(20) Тацитъ въ соч. de situ, moribus et populis Germaniae, Cap. VIII, XIX et 6.

(21) Гегевишъ: N. Samml. стр. 54 и слѣд. Мейнерсъ въ Vergleichung des Mittelalters mit unserm Jarhrhunderte, Том. I, Отдѣл. 4.— J. M. R. über das religiose und sittliche Verderben unsers Zeitalters, 1812, 8°.

(22) Гизо въ Исторіи Европ. Гражданственности Лекціи V и VI. -Kleuker: de Jesu Christi ecclesia et ecclesiis dissertatio, 1817, сочиненіе превосходное при всей его краткости. Въ немъ изображены устройство первой Апостольской Церкви, ея управленіе и произхожденіе Церкви Католической и Римской.

(23) Галламъ, Том. II, въ началѣ главы объ общественномъ состояніи средневѣковыхъ народовъ.

(24) Brucker, T. III, стр. 561, а особенно объ отвращеніи къ языческой учености много разсказываетъ Triblector. de doctrina Schol. стр. 279.

(25) Мейнерсъ въ Vergleich. des Mittelal. mit unf. Jahrh. Том. II, стр. 332—346. Еще

Lebeuf Dissert. sur l'histoire de Paris, Том. II, стр. 7—324.

(26) Бланки въ Ист. Политической Экономіи, статья XIV.

(27) Луденъ въ Исторіи Нѣмецкаго народа, Т. III, стр. 5.

(28) Луденъ въ примѣчаніяхъ къ Ист. Нѣм. народа мн. 6, том. III. прим. 2.

(29) Робертсонъ въ Ист. Карла V. отд. II, стр. 82, 85 и 86.—Также Ремеръ, Геренъ и другіе.

(30) Шульгинъ въ изображеніи характера послѣднихъ трехъ вѣковъ.

(31) Гизо въ Ист. Гражд. Европ. въ концѣ VIII лекціи.—Бланки въ Ист. Экономіи Ч. I, гл. XI. стр. 156+161. О вліяніи Крест. походовъ на политическую жизнь у Вилькена; также Геренъ въ своихъ Vermischten histor. Schriften, 1821. Т. II, стр. 164—176.

(32) О вліяніи вражды Гвельфовъ съ Гибелинами на произхожденіе новыхъ политическихъ идей въ Италіи замѣчаетъ Лео въ Исторіи Италіи; также Ранке въ Исторіи Римскихъ Папъ и Г. Профессоръ Лоренцъ.

(33) Ашбахъ: Geschichte Spaniens u. Portugals zur Zeit der Herrschaft der Almoraviden u. Almohaden, Т. I. стр. 120.—Конде Geschichte der Mauern in Spanien, Нѣм. пер. Т. II, стр. 431.

(34) Мейеръ: Gesch. der Almohaden in Span. 1827.

(35) Delort, essai critique sur l'histoire de Charles VII, Paris. 1824.

(36) Робертсонъ. Ист. Кар. V. I, стр. 88—90.

(37) Histoire de France par Velly et Villaret, tom. XV, стр. 331—189. XVI, 324. Becker's Weltgeschichte. T. VI. стр. 72—81.

(38) Hammer. Geschichte des Osmanischen Reichs, T. I, стр. 55.

(39) Беккерса Weltgeschichte, Том. VI, стр. 149.

(40) Майлатъ: Geschichte der Magyaren, Том II, стр. 227.

(41) Roskoe Leben Leo's T. II, стр. 250 и слѣд.

(42) Донъ Карлосъ Гарсій издалъ въ 1627 г. сочиненіе: Antipatia dẽ los Franceses et Espagnoles. Оно переведено было на Французскій языкъ подъ заглавіемъ: Opposition de deux grands luminaires de la terre. Гарсій утверждалъ, что эта ненависть произошла отъ діавольскаго навожденія и козней, дабы два слазные сіи народа и великія свѣтила міра не завоевали, живя дружно, цѣлаго свѣта и не распространили всюду Христіан. Рим. вѣры.

(43) Изображеніе переворотовъ въ политической системѣ Европейскихъ Государствъ, соч. Ансильона, С. П. Б. 1838. Т. I. стр. 159.

(44) Гизо въ l'hist. de la civil. en Europe, lec. III, pag. 2—3.

(45) Тамъ же стр. 12, 13 и 14.

(46) Тамъ же lec. IV.

(47) Робертсонъ прим. VIII. къ отд. I. стр. 15. на стр. 200—212. Въ одномъ изъ №= Жур. Маякъ слова Allodium, leudes, feudum или feodum и другіе толкуются на Русскій ладъ. Толкованіе правдоподобно, но событія и причины сходства словъ въ этимологіи и значеніи надобно представлять въ обратномъ отношеніи, нежели какъ думаетъ сочинитель очерка Исторіи, т. е. что эти слова перешли не изъ Россіи въ Европу; но изъ Европы въ Россію.

(48) Робертсонъ въ перевод. Русск. Т. I. стр. 204.

(49). Робертсонъ, тамъ же стр. 15.

(50) Becker's Weltgeschichte, T. III, стр. 368.

(51) Бек. Томъ III въ концѣ.

(52) Планкъ: Geschichte der christlich-kirchlichen Gesellschafts-Verfassung, Том. III, въ началѣ.

(53(Joh. Voigt. Hildebrand, als Papst Greg. VII, стр. 198. Гизо въ Исторіи Европейской Гражд. lec VI, стр. 31—35. Галлама Том. II, гл. I. о распространеніи Папской власти.

(54) Stenzel, T. I, 459. Лоренцъ въ своей Исторіи Ф. Ф.

(55) Бланки Ист. пол. экон. гл. XIV, стр. 139.

(56) Робертсонъ въ примѣч. XVII, стр. 238.

(57) Du Cange vocabulum Commune.

(58) Замѣчаніе XV. Робертсонъ стр. 228.

(59) Словарь Дю Канжа въ словѣ *Commune*.

(60) Исторія Карла V, Робертсона соч. Т. I, стр. 36.

(61) Смотр. Галлама I, 210.

(62) Смотр. Эйхгорна: Geschichte des Deutschen Staatsrechts, Т. III, стр. 240, также Галлама I, 560.

(63) Velly, l'histoire de France. T. V, стр. 97.

(64) Данте самъ написалъ сочиненіе de Monarchia, въ которомъ исторически выводитъ всеобщность сей формы правленія и съ философскимъ остроуміемъ и по философскимъ началамъ доказываетъ необходимость оной. См. о семъ предметѣ также Animadversiones Historico-politicae Reinhardii, стр. 514.

(65) Franciscus Sançovino-origine de Cavalieri,

(66) Робертсонъ Т. I. зам. XVI, стр. 236.

(67) Робертсонъ Т. I. зам. XXIX, 295.

(68) Робертсонъ Т. I. зам. XXVI, 316.

(69) Галлама Т. II. глава о Англійскомъ устройствѣ.—Въ подтвержденіе сихъ выводовъ ссылаю также на сочиненіе von Georg. Philipp. Versuch einer darstellung der Geschichte des angelsächsischen Rechts, 1825. Здѣсь сочинитель съ основательностію и знаніемъ дѣла изслѣдываетъ прежнее значеніе Королевской власти, введеніе Парламен-

товъ, устройство двора, должности для управленія округами, воинское устройство, словомъ все, что входитъ въ государственное право; далѣе излагаетъ частное право Англичанъ и наконецъ Церковное право.

(70) Беккеръ, V, 109.

(71) Въ сочиненіи означенномъ на стр. 9 моего разсужденія, Traité des armes, de Machine de guerre, etc. сказано, что Бертольдъ узналъ этотъ секретъ отъ Татаръ въ 1380 на пути въ Московію.

(72) Mauvillon essai sur l'influence de la poudre Canon dans l'art de la guerre moderne. Dessau, 1782. 8°.

(73) Многіе города Западной Европы спорили о чести сего изобрѣтенія, особенно Гарлемъ, Страсбургъ и Майнцъ; но нынѣ уже рѣшено, что эта честь принадлежитъ Страсбургу. Breitkopf über die Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst, L. 1779. 4.

(74) Beck's Ansicht von der Geschichte der Entstetung, Ausbildung u. Verbreitung der Buchdruckerkunst im Neuen Litter. Anz. 1806, IV, 27.

(75) Меерманна Admonitio de chartae linea origine, Rot. 1764. 4; но вѣрнѣе и полнѣе всѣхъ Брейткопфа Versuch der Spielkarten, die Einführung des Leinenpapiers u. den Anfang der Holzschneidekunst in Europa zu erforschen. L. 1784—1801, II, 4°.

(76) Cossali Storia critica dell'Algebra, Parma, 1797, 2 Vol.

(77) Костарда, Histoire d'Astronomie, 1767.

(78) Гаджи Гальфа насчитываетъ въ Аравійской Литературѣ 40,000 книгъ разноименныхъ.

(79) Гемистъ Плеѳонъ первый подалъ поводъ къ симъ спорамъ своимъ сочиненіемъ de differentia Plat. et Arist. philosophiae, гдѣ онъ философію Платоническую Плотина выставилъ выше Аристотелевой. Противникомъ Плеѳона явился 1458 г. Георгій Трапезунтскій, изложивъ въ своемъ Comparatio Aristotelis et Platonis весь вредъ Платоновой философіи. Противъ сихъ обвиненій защищалъ Платона Кардиналъ Бессаріонъ въ св. соч. in columnationem Platonis и одержалъ верхъ надъ противникомъ.

(80) Объ Университетахъ мои замѣчанія подтверждаются извѣстіями Галлама Т. II, Робертсона Т. I, замѣч. XXVIII стр. 289 и Бекка Welt. u Völkergeschichte, Т. IV стр. 810 и 811.

(81) Herder's Ideen zur Philosophie der Menschheit, Т. IV предпосл. стр.

(82) Heeren, in vermischten Histor. Schriften, T. II, стр. 243.

(83) Introductio in notit. leg. nauticarum p. 52 и слѣд. — Сарторій Geschichte des Hanf.

Bund. II, 706. Engelbrecht. Corpus juris navtici, Lub. 1790. II, 4.

(84) Говорятъ, векселя изобрѣтены были еще въ XIII Нѣмцами, а Италіянцами усовершены. См. Joh. von Martens Entwickelung des wahren Ursprungs des Wechselrechts, Gött. 1791. Эдуардъ I Король Англійскій велѣлъ Папскимъ повѣреннымъ вмѣсто денегъ брать векселя.

(85) Вывозъ Англійской шерсти и ввозъ иностранныхъ суконъ былъ запрещенъ Парламентомъ съ 1339. Anderson Geschichte d. Handels II, 244. III, 159. — Utrechter Vertrag между Эдуардомъ IV и Ганзою 22 Февр. 1474 г.

(86) Büsch über die Banken in f. Vermischt. Schr. über die Handlung. — Busch Handbuch der Geschichte der Erfindung II, I, 51 f. Первый ассигнаціонный банкъ учрежденъ былъ въ Генуѣ 1345. Во Флоренціи были ссудныя конторы и домы, назыв. montes.

(87) Ансильонъ: du Juste-Milieu, T. I, въ спатьѣ sur le Moyen-âge.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Галламъ былъ юристъ и потому какъ Историкъ стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже Лудена, Гизо, Тьерри и Баранта.

II.

Средневѣковые народы занимались развитіемъ своей общественной жизни столь ревностно и послѣдовательно, что могутъ служить въ томъ примѣромъ для потомства.

III.

Средніе вѣка были разсадникомъ всего того, чѣмъ Европейцы славятся теперь въ общественной своей жизни.

IV.

Лучшимъ періодомъ въ развитіи Филологіи были конецъ среднихъ и начало новыхъ вѣковъ.

V.

Система политическаго равновѣсія Европейскихъ Государствъ получила свое начало и основное развитіе во время среднихъ вѣковъ.

VI.

Реформація Лютера была слѣдствіемъ средневѣковыхъ событій.

VII.

Политическое направленіе, господствовавшее въ Западныхъ Европейскихъ Государствахъ въ теченіи трехъ послѣднихъ вѣковъ, было слѣдствіемъ взаимныхъ отношеній сихъ Государствъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и развилось во время Италіянскихъ войнъ.

VIII.

Европа по своимъ силамъ и образованности находится теперь въ возрастѣ юношескомъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
7.	10.	Галламъ былъ юристъ и потому во всѣхъ и проч.	Галламъ былъ юристъ и потому *какъ Историкъ* во всѣхъ и проч.
43.	1.	*всю*	*свою.*
46.	15.	*таившіеся*	*таившіяся.*
65.	17.	*Ниддерландцевъ*	*Нидерландцевъ.*
66.	8.	*Манджаровъ*	*Маджаровъ.*
129.	5.	*преобразованія сообщились*	*преобразованія Церкви сообщились.*
144.	12.	*шесть: въ 1409;*	*шесть: въ Э 1409;*

2007096307